

Интервью с вампиром

Автор:

[Энн Райс](#)

Интервью с вампиром

Энн Райс

Азбука-бестселлер Вампирские хроники #1

Драматическая история вампира, пересказывающего свою жизнь по эту и по ту сторону бытия, – французские колонии в Луизиане, Париж XIX века, глухая деревушка в Карпатах... Обитатели мира тьмы, это воплощенное зло, – неужели они, как люди, способны страдать и радоваться, любить и сокрушаться от потерь, неужели в их сердце сохранился остаток человеческого?..

Написанный буквально за полтора месяца в память о шестилетней дочери, которая скончалась от лейкемии, роман «Интервью с вампиром» давно вышел за тесные рамки жанра и стал мировой классикой уровня «Дракулы» Брэма Стокера. Своим появлением в 1973 году он предвосхитил знаменитые «Сумерки» Стефани Майер, а фильм 1994 года с Томом Крузом, Брэдом Питтом и Антонио Бандерасом в главных ролях принес книге еще большую популярность. Общий тираж романа на сегодняшний день превысил рекордные 15 миллионов экземпляров, это едва ли не самая продаваемая из книг современных авторов в истории книжной торговли.

Энн Райс

Интервью с вампиром

Посвящается Стэну Райсу, Кэрол Маклин и Элис О'Брайен Боркбарт

Anne Rice

INTERVIEW WITH THE VAMPIRE

Copyright © 1996 by Anne O'Brien Rice and the Stanley Travis Rice, Jr. Testamentary Trust

© М. А. Литвинова, перевод, 1995

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА ®

Часть I

– Ну что ж... – задумчиво сказал вампир.

Он стоял у окна, освещенный тусклым уличным светом. Глаза его собеседника, молодого человека, наконец привыкли к полутьме, и он смог разглядеть комнату: круглый дубовый стол, кресла, таз и зеркало на стене. Молодой человек ждал.

– А у вас хватит пленки, чтобы записать историю целой жизни?

И молодой человек увидел четкий профиль полуобернувшегося вампира.

– Конечно. Когда повезет, мне удастся взять интервью у трех-четырех человек за вечер. Но только это должна быть действительно хорошая история.

– Еще бы, – сказал вампир. – Я расскажу вам свою жизнь. Я сам этого хочу.

– Отлично. – Молодой человек поспешно достал из портфеля диктофон, проверил кассету и батарейки. – Расскажите, как получилось, что вы поверили в это, почему вы...

– Нет, – оборвал его вампир. – Мы начнем иначе. У вас все готово?

– Да.

– Тогда садитесь. Я включу верхний свет.

– Но я всегда думал, что вампиры не любят света. Если вам хочется, чтобы было темно, я не против... – Он осекся.

Вампир отвернулся от окна и смотрел теперь прямо на него. Лица вампира не было видно, но что-то в этой неподвижно застывшей фигуре насторожило юношу. Он хотел было что-то сказать, но промолчал. Вампир подошел к столу, взялся за шнур выключателя, и молодой человек вздохнул с облегчением. И тут же резкий желтый свет залил комнату. Молодой человек ошеломленно уставился на вампира. Его пальцы судорожно вцепились в край стола.

– Боже! – только и смог выдохнуть он.

Лицо у вампира было белое и гладкое, словно вырезанное из кости, и застывшее, как у статуи. Жили только его зеленые глаза; они пристально смотрели на молодого человека и сверкали, как изумруды, и казалось, что два огня горят на белом холодном лице. Вдруг вампир улыбнулся, нежно, почти мечтательно, и на белизне его кожи обозначились линии, бесконечно подвижные, но скупые, как на штриховом портрете.

– Рассмотрели? – тихо спросил он.

Юноша вздрогнул и поднес руку к глазам, защищаясь от яркого света. Потом перевел взгляд на безукоризненно сшитый черный фрак, который мельком уже видел в баре, длинные складки плаща, черный шелковый галстук и воротничок сорочки, такой же ослепительно-белый, как кожа вампира. Его густые, черные, слегка вьющиеся волосы были зачесаны назад, их кончики едва касались воротничка.

– Ну как, вы все еще хотите этого интервью? – спросил вампир.

Молодой человек открыл рот, но не мог выдавить ни звука, только кивнул.

– Да, – наконец выдохнул он.

Вампир опустил в кресло напротив и тихо, доверительно сказал:

– Включайте запись и ничего не бойтесь.

Он перегнулся через стол, и юноша испуганно отшатнулся. Пот градом катился по его щекам. Вампир положил руку ему на плечо, крепко сжал его и промолвил:

– Поверьте, я не сделаю вам ничего плохого. Я хочу воспользоваться случаем. Наша беседа для меня гораздо важнее, чем вы думаете. Давайте начнем поскорее. – Он откинулся в кресле и застыл в ожидании.

Юноша с трудом перевел дыхание, вытер лицо платком, пробормотал, что микрофон внутри, нажал кнопку, и запись началась.

– Вы не всегда были таким? – начал он.

– Верно. Я стал вампиром в тысяча семьсот девяносто первом году, мне было тогда двадцать пять лет.

Юноша, ошеломленный такой точностью, повторил дату вслух, прежде чем задать следующий вопрос:

– Как это случилось?

– Очень просто. Но я бы хотел рассказать все по порядку, с самого начала.

– Разумеется, – быстро кивнул молодой человек, сложил платок вчетверо и провел им по губам.

– Все началось с несчастья... – начал вампир. – Мой младший брат... погиб. – Он запнулся.

Молодой человек кашлянул, чтобы прочистить горло, еще раз вытер лицо платком и засунул его в карман.

– Может быть, вам больно... вспоминать об этом? – спросил он робко.

– Больно? – отозвался вампир. И покачал головой. – Нет. Однажды я уже рассказывал эту историю. И потом, это было так давно... Мы тогда жили в Луизиане. Взяли ссуду на землю и основали две плантации индиго на Миссисипи, неподалеку от Нового Орлеана...

– Так вот откуда у вас акцент, – тихо сказал юноша.

Вампир недоуменно взглянул на него, потом рассмеялся:

– Я говорю с акцентом?

– Я заметил это еще в баре, когда спросил, кто вы, – торопливо заговорил юноша. – Едва различимая четкость согласных, и все. Но я не догадался, что это французский акцент.

– Ничего, – успокоил его вампир. – Я не столько удивлен, сколько притворяюсь. Просто время от времени я забываю о своем акценте. Но давайте продолжим.

– Конечно, конечно...

– Я говорил о плантациях. Кстати, может быть, из-за них я и стал вампиром. Но об этом после. Мы жили роскошно, но в то же время очень просто. Мы очень любили наш мир. Во Франции нам никогда не было бы так хорошо. Может, то была только выдумка, очарование дикой и девственной природы, но разве это важно? Я помню мебель, выписанную из Европы. – Вампир улыбнулся. – И клавесин... Прелестная вещица. Моя сестра часто играла на нем. Летними вечерами она сидела за клавишами спиной к раскрытым окнам. Помню быструю невесомую музыку и болота, простирившиеся за окном; бархатистые кипарисы, плывущие на фоне вечернего неба, и звуки болот: голоса животных и пение

птиц. В этой глуши мебель розового дерева казалась еще более ценной, а музыка – такой нежной и такой желанной. Мы любили нашу жизнь в глуши, хотя глицинии опутали окошко мансарды и умудрились враспи в белую кирпичную кладку меньше чем за год... Да, мы все любили эту жизнь, все – кроме моего младшего брата. Я не помню, чтобы хоть раз он пожаловался или посетовал, но я чувствовал: у него неладно на душе. Отец к тому времени уже умер, и я, как глава семьи, должен был постоянно защищать брата от матери и сестры. Они требовали, чтобы он ездил вместе с нами в гости и на вечеринки в Новый Орлеан, а он этого терпеть не мог. Он перестал участвовать в общих развлечениях лет, должно быть, в двенадцать. Для него имели смысл только молитвы, молитвы и жития святых, заключенные в толстые кожаные переплеты.

Я построил ему часовню неподалеку от дома, и он проводил там целые дни – возвращался, когда уже начинало смеркаться. Это смешно: он так отличался от нас, отличался от всех, а я был самым обычным человеком! Ничего сверхъестественного во мне не было. – Вампир улыбнулся. – Иногда по вечерам я приходил за ним к часовне. Он сидел на каменной скамейке в саду, спокойный и отрешенный, а я рассказывал ему о своих бедах: о нерадивых рабах или дурной погоде, о недоверии к надсмотрщику и торговым агентам... Словом, о больших и маленьких заботах, которые составляли сущность моей жизни. Он сидел и слушал, изредка вставлял замечания, всегда очень благожелательные, и всякий раз я покидал его с осознанным чувством, что он разрешил за меня все вопросы. Я думал, что ни в чем не смогу ему отказать, и поклялся, что не буду мешать ему стать священником, пусть это даже разобьет мне сердце. Конечно, я заблуждался.

Вампир замолчал.

Юноша тоже молчал и смотрел на него. Затем, словно пробудившись от глубокой задумчивости, спросил, подбирая слова:

– То есть... Он не захотел стать священником?

Вампир пронзил его долгим взглядом, словно пытаюсь постичь смысл сказанного. Потом ответил:

– Нет, это насчет себя я ошибался – когда думал, что не смогу ему отказать. – Он отвел глаза и взглянул в окно. – У него начались видения.

– Настоящие видения? – помедлив, спросил юноша.

– Не знаю, но тогда я ему не поверил. Это случилось впервые, когда брату исполнилось пятнадцать. Он был красив: нежная чистая кожа, огромные голубые глаза. К тому же, в противоположность мне, он отличался крепким телосложением... Но главное – его глаза. Когда я смотрел в них, мне казалось, что я стою на самом краю света совсем один... на овеваемом ветром песчаном берегу океана, а вокруг тишина, только рокот волн, накатывающих на берег... Да, – продолжал он, по-прежнему глядя в окно, – у брата начались видения. Сначала он говорил об этом намеками. Он ничего не ел и почти переселился в часовню, но и там все запустил: перестал зажигать свечи, менять покров на алтаре и даже не выметал заносимые ветром листья.

Дни и ночи он стоял на коленях на голом каменном полу перед алтарем. Однажды вечером я встревожился не на шутку. Целый час я смотрел на него из беседки, увитой розами. Брат ни разу не поднялся с колен и не опустил молитвенно сложенных рук. Рабы думали, что он сошел с ума. – Брови вампира удивленно поползли вверх. – Сам я считал, что он просто не в меру усерден, что в своей любви к Богу он зашел слишком далеко. Потом он рассказал мне о видениях подробно. Он говорил, что ему явились святой Доминик и сама Дева Мария. Они сказали, что он должен продать всю нашу собственность в Луизиане – все, что у нас есть, – а вырученные деньги потратить на богоугодные дела во Франции. Сам же он станет великим религиозным лидером и, возродив любовь к Богу в сердцах людей, будет бороться с атеизмом и Революцией. Своих денег у него, конечно же, не было, значит это мне следовало продать плантации и дома в Новом Орлеане, а деньги отдать ему.

Вампир снова умолк. Юноша изумленно глядел на него.

– Простите, – наконец очнулся он. – И что же? Вы продали плантации?

– Нет, – ответил вампир. Его лицо было невозмутимо и спокойно, как и прежде. – Я рассмеялся ему в лицо. Он пришел в ярость. Так приказала сама Дева Мария, кричал он, и кто я такой, чтоб не подчиняться? В самом деле, кто? – повторил вампир тихо, словно заново обдумывая ответ на этот вопрос. – Чем отчаянней он старался убедить меня в своей правоте, тем громче я смеялся. Я сказал, что его слова – полнейшая чушь и бессмыслица, порождение незрелого и даже болезненного ума. Я говорил, что постройка часовни была ошибкой и что я прикажу разрушить ее немедленно, а сам он начнет ходить в школу в Новом

Орлеане и забудет про видения и прочий вздор. Не помню точно, что я еще наговорил. В памяти остались только гнев и разочарование, переполнявшие мою душу. Именно это я пытался скрыть за высокомерным смехом и суровой отповедью. Я и впрямь был горько разочарован. Я не поверил ни единому слову брата.

– Вас можно понять, – заметил юноша, воспользовавшись наступившей паузой; его лицо уже не выражало такого откровенного удивления. – Никто бы ему не поверил.

– Можно понять? – Вампир взглянул на него. – Я вел себя отвратительно, как отъявленный эгоист. Попробую объяснить. Я уже говорил, что любил брата. Иногда мне казалось, что он святой. Точнее говоря, я хотел в это верить. Я уважал его мысли, слышал его молитвы и твердо решил, что помогу ему принять сан. Но... Если бы мне рассказали, что в Арле или Лурде появился святой, которому является Дева Мария, я бы поверил, ведь я был католиком и искренне верил в святых: ставил свечи перед мраморными статуями в церквях, знал их имена, видел изображения, разбирался в символах и молитвах, – но я не верил, не мог поверить своему брату. Я не только не верил в его видения, но даже сама суть его слов была мне чужда. Вы спросите – почему? Потому что это был мой брат. Может быть, он святой и уж наверняка особенный, не такой, как все, – но только не Франциск Ассизский. Ни за что на свете: кто угодно, только не мой брат. Вот почему я вел себя как эгоист, понимаете?

Юноша немного подумал и кивнул.

– Может, у него и правда были видения, – сказал вампир.

– То есть... вы не знаете... наверняка?

– Не знаю. Но ничто не могло пошатнуть его убежденности в собственной правоте. Я видел это в ту ночь. Обезумев от горя и обиды, он выбежал из комнаты. И через мгновение его не стало.

– Как?

– Очень просто. Он распахнул стеклянную дверь, ведущую на галерею, немного постоял на верхней ступеньке каменной лестницы. А потом упал. Я бросился

вниз, в сад, но он был уже мертв. Сломал шею. – Вампир потряс головой, заново переживая весь этот ужас, но его лицо оставалось невозмутимым.

– Может быть, он оступился? Вы видели, как он упал?

– Нет, но слуги видели. Они рассказали, что он посмотрел вверх, словно увидел что-то в воздухе, а потом его тело будто подхватило ветром. Одному из них показалось, что он хотел что-то сказать. Я сам ничего точно не знаю – я не смотрел тогда в окно. Я только услышал звук падения. – Он взглянул на диктофон. – Я не мог себе этого простить. Мне казалось, я виноват в его смерти. Впрочем, так думали все.

– Почему? Ведь были свидетели...

– Прямых обвинений не было. Просто пошли слухи, что между нами что-то произошло, что мы поругались за несколько минут до его гибели. Слуги слышали шум, да и мать тоже. Она умоляла меня объяснить, что случилось, – почему брат, всегда такой тихий и мирный, кричал на меня. Потом к ней присоединилась сестра. Естественно, я отказался говорить об этом. Потрясенный, почти убитый смертью брата, я все-таки был исполнен какой-то странной решимости никому не рассказывать о его видениях. Я не хотел, чтобы кто-нибудь узнал, что он оказался не святым, а фанатиком.

Моя сестра предпочла остаться в постели и не пошла на похороны, а мать рассказала всем в церкви, что в моей комнате произошло что-то ужасное, но я не хочу признаваться, что именно. В конце концов я даже попал на допрос в полицию. Потом ко мне явился священник и умолял, чтобы я, во имя собственного спасения, поведал ему все. Но я молчал. Говорил всем, что это был самый обычный спор между братьями, отвергал обвинения, объяснял, что меня не было на галерее, когда он упал. И все равно все смотрели на меня так, будто это я убил его. Но я и сам чувствовал то же. Два дня я провел в церкви рядом с гробом и думал только об этом. Смотрел на лицо брата, пока черные точки не замелькали перед глазами. Довел себя почти до потери сознания. Брат разбил затылок о каменную дорожку, его голова в гробу на подушке была неправильной формы. Я заставлял себя смотреть на него, изучать мельчайшую черточку просто потому, что иначе не смог бы вынести душевную боль и запах уже начавшегося разложения. Меня снова и снова тянуло попытаться открыть ему глаза – я начал сходить с ума. Но одна мысль не покидала меня ни на минуту: я смеялся над ним, не поверил ему, не помог, когда ему было плохо, – это я убил его.

- Это было на самом деле? – тихо спросил молодой человек. – Это правда?

- Да, – ответил вампир, – но я хотел бы продолжить.

Он равнодушно скользнул взглядом по собеседнику и снова перевел глаза на окно. Казалось, что юноша со своей молчаливой внутренней борьбой вызывает у него только слабый интерес.

- Но вы не знали наверняка про видения... Как же так, ведь вы вампир, и вы должны...

- Я рассказываю только о том, что знаю, – перебил его вампир. – Только о том, что было. Если вас интересуют видения, то я и сейчас ничего не знаю об этом.

Наступило молчание. Наконец юноша сказал:

- Пожалуйста, продолжайте.

- Я решил продать плантации. Я больше не хотел никогда видеть ни дом, ни часовню. Я сдал их в аренду одному агентству и избавил себя от необходимости приезжать туда снова. Мы с матерью и сестрой переехали в один из наших городских домов в Новом Орлеане. Но образ брата продолжал преследовать меня каждую минуту. Я думал только о том, что его тело гниет сейчас в земле. Его похоронили в Новом Орлеане, на кладбище Сент-Луи, и я старательно избегал этого места, но ничего не помогало. Мои мысли всегда возвращались к брату. Пьяный или трезвый, я видел перед собой его тело, полусгнившее в гробу. Это было невыносимо. Каждую ночь мне снилось, что он стоит на верхней ступеньке, а я стою рядом, держу его за руку, уговариваю спуститься вниз, в спальню, и помолиться за меня, чтобы я обрел веру. Между тем рабы с Пон-дю-Лак – так называлась моя плантация – начали распускать слух, что видели привидение на галерее, и надсмотрщику не удавалось поддерживать дисциплину и порядок. Люди в обществе задавали моей сестре оскорбительные вопросы, и у нее начались истерики. На самом деле она никогда не была истеричкой, но почему-то решила, что это самый лучший способ поведения в подобной ситуации. Я все время пил и старался как можно меньше бывать дома. Как человек, который хочет умереть, но боится наложить на себя руки, я будто искал смерти: гулял один по самым темным улицам и аллеям города, напивался

до потери сознания в кабаре, только по апатии уклонился от двух дуэлей... Мне искренне хотелось, чтобы меня убили. Кто угодно: пьяные матросы, грабитель, маньяк. Но случилось так, что мне встретился вампир. Он поймал меня ночью в двух шагах от дома, сделал свое дело и оставил умирать на улице.

- Вы хотите сказать... что он высосал вашу кровь?

- Да, - рассмеялся вампир. - Так оно и бывает.

- Но вам удалось выжить...

- Один шаг отделял меня от смерти, но он уже успел насытиться и бросил меня. Я был найден на улице, и меня отнесли в постель. Я не помнил, что со мной случилось. Может быть, удар от беспробудного пьянства. Я ничего не ел и не пил, не отвечал на вопросы врача. Я ждал прихода смерти с минуты на минуту. Мать послала за священником. В приступе начавшейся лихорадки я рассказал ему все о видениях брата и о нашей ссоре.

Я вцепился в его руку и не отпускал, заставлял поклясться, что он не расскажет об этом никому.

«Нет, я не убивал его, - говорил я. - Но я не могу жить, потому что чувствую себя виновником его смерти».

«Это смешно, - отвечал священник. - С какой стати вы считаете себя ответственным за его смерть? Вы слишком много думаете о себе, вот в чем дело. Вы нужны матери, не говоря уже о сестре. Что же касается вашего брата, то он попал в лапы дьявола». Я был так потрясен, что даже не сумел возразить. «Видения - дело рук дьявола, - продолжал он. - Силы Сатаны безграничны. Вся Франция сейчас в его власти, а Революция - его величайший триумф». Оказывается, ничто не могло спасти моего брата, кроме молитвы и поста. В то время как близкие пытались удержать его от необдуманных поступков, дьявол восторжествовал в его теле. «Совершенно очевидно, что именно дьявол сбросил вашего брата с лестницы, когда убедился, что его коварный план не удался, - заявил священник. - Вы разговаривали тогда не с братом, а с Сатаной».

Эти слова привели меня в бешенство. Он толковал о бесах, о колдовстве среди черных рабов, о похожих случаях в других странах, и наконец я взорвался. Я

разгромил всю комнату и едва не прикончил его самого.

– В вашем состоянии? – спросил юноша.

– Безумие помогло мне, – ответил вампир. – Я вытворял такое, что было мне не под силу даже здоровому. Я мало что помню, эта суэта мне и сейчас представляется фантастической: я выволок его через заднюю дверь, протащил по всему двору и бил головой о кирпичную стену кухни. Обессиленный, я сам едва не отдал Богу душу. Они утомили меня и пустили мне кровь. Идиоты! Но самое важное, что именно тогда я осознал всю глубину своего эгоизма. Наверное, потому, что в словах священника услышал отзвук собственных слов, а его высокомерное отношение к брату напоминало мне мои чувства тогда. Как и его болтовня о дьяволе и почти болезненный отказ даже допустить саму мысль, что подлинная святость может быть найдена по соседству.

– Но он действительно верил, что вашим братом овладел дьявол.

– Это обычное человеческое отношение, – мгновенно возразил вампир. – Люди охотнее верят в дьявола, чем в Бога и в добро. Не знаю почему... Может быть, разгадка проста: творить зло гораздо легче. А говорить, что человеком овладел Сатана, – все равно что объявить его сумасшедшим. Во всяком случае, я чувствовал, что именно к этому сводится смысл его слов. Не нужно видеть беса своими глазами, чтобы поверить в его существование. Другое дело – святой. Чтобы с кем-то, живущим рядом с тобой, происходили чудеса, подобные видениям моего брата? Нет, наше самолюбие не может допустить подобного!

– Мне это никогда не приходило в голову, – произнес его собеседник. – Что же случилось с вами дальше? Вы сказали, что вам пустили кровь. Это неминуемо должно было привести к смерти.

Вампир рассмеялся:

– Совершенно верно, но случилось непредвиденное. Вечером тот вампир снова вернулся ко мне, и как вы думаете, зачем? Ему понадобились мои плантации. Я помню все детали той встречи, словно это произошло вчера. Было уже поздно, моя сестра, дежурившая около постели, заснула. Он вошел с черного хода, открыл двери без единого звука. Он был высокий, светловолосый и белокожий и двигался грациозно, как кошка. Первым делом прикрутил лампу и аккуратно

прикрыл платком лицо сестры. Она не проснулась: так и спала спокойно всю ночь рядом с миской воды и полотенцем, которым вытирала мне лицо. Утром, когда она встала, я был уже не я.

Вампир вздохнул, облокотился на ручку кресла и обвел взглядом стены комнаты.

– Сперва я подумал, что родные позвали доктора, чтобы он попытался успокоить меня. И привести в чувство. Но когда он подошел поближе и склонился над постелью, мне сразу стало ясно, что я ошибся. Я разглядел его лицо при свете лампы и понял, что это не просто человек. Его серые глаза горели слишком ярко, да и длинные белые руки явно не были руками человека. Думаю, что в тот момент я догадался, кто передо мной, и все его слова потом уже не были для меня откровением. Я видел вокруг него неземное свечение. Такого существа мне еще не приходилось встречать. Я чувствовал свою полную ничтожность перед ним. Все мысли и терзания, даже страшная вина перед братом и желание умереть вдруг словно перестали существовать. Я и сам перестал существовать! – Он прижал кулак к груди. – Передо мной открывалась новая жизнь, новые возможности. Он говорил, и мое изумление росло и росло. Рассказывал о своей жизни, о том, кем я могу стать, и прошлое померкло, превратилось в прах. Он заставил меня увидеть со стороны мою мелочную, себялюбивую, бесполезную жизнь. Я понял, сколь неискренни были мои молитвы, обращаемые к Богу и к святым, чьи имена я затвердил по книгам. Они нисколько не изменили моего жалкого, приземленного существования. И я увидел – вот мои подлинные божества, те же, что у всех: пища и деньги, безопасность и комфорт... Прах земной.

На лице юноши появилась смесь замешательства и удивления.

– И вы решили следовать по его пути? – спросил он.

Вампир ответил не сразу.

– Решил – это не совсем точно. Не скажу, что такой исход был неизбежен. Просто после его слов этот путь оказался единственным для меня. И я пошел по нему не оглядываясь. Хотя нет, один раз оглянулся.

– Один раз? Что вы имеете в виду?

– Мой последний рассвет. Утро, когда я еще не был вампиром и встретил свой последний рассвет. Я навсегда запомнил именно это утро; те, что были раньше, стерлись из памяти. Вот первый бледный свет коснулся окон, матово засветились кружевные занавески; свет становился ярче и ярче, и солнечные пятна обсыпали кроны деревьев. Взошло солнце, кружевной узор занавесок тенью лег на каменный пол, зайчики запрыгали по голове и плечам спящей сестры. Во сне она согрелась и отбросила платок; солнце светило ей прямо в глаза, и она щурилась, не просыпаясь. Стол, на который она уронила голову и руки, весь был залит светом, вода в миске сияла под солнцем. И наконец жаркие лучи коснулись моего лица и рук. Я лежал и думал о том, что рассказывал мне ночью вампир. Я навсегда прощался с рассветом и с прошлой жизнью. Потом я встал и вышел из комнаты. Это был мой последний рассвет.

Вампир замолчал и снова посмотрел в окно. В комнате вдруг стало очень тихо, тишина звенела в ушах. Потом по улице с грохотом проехал грузовик, и шнур выключателя задрожал. И опять все стихло.

– Вы скучаете по рассвету? – спросил юноша.

– Да нет, не очень, – отозвался вампир. – На свете и так много интересного... На чем мы остановились? Кажется, вы хотели узнать, как я стал вампиром?

– Да, пожалуйста, расскажите поподробней.

– Это невозможно объяснить, – сказал он. – Я смогу только описать процесс превращения, облечь ощущения в слова. Но вы поймете, что значило случившееся для меня самого.

Молодого человека вдруг словно осенило что-то, и он хотел было задать еще один вопрос, но вампир уже продолжал рассказ:

– Итак, тот вампир, а звали его Лестат, хотел заполучить мои плантации. Слишком прозаическая причина даровать мне вечную жизнь на этом свете. Надо сказать, он не так уж сильно отличался от обычных людей. Он не считал вампиров членами элитарного клуба, хотя на земле их очень мало. У него были и чисто человеческие заботы. Например, слепой отец, который не знал, что его сын – вампир. Ему стало трудно жить в Новом Орлеане, нужно было кормиться самому и заботиться об отце. Вот почему ему понадобились мои плантации.

Мы приехали в Пон-дю-Лак вечером следующего дня. Я поместил старика в спальню и с помощью Лестата продолжил свой путь к новому состоянию. Нельзя сказать, что перемены произошли сразу, но начиная с какого-то момента у меня уже не было дороги назад. Мое превращение состояло из нескольких шагов, и первым стало убийство надсмотрщика. Лестат набросился на него, когда тот спал. Я был рядом: стоял настороже и одновременно проходил испытание на прочность – смогу ли я присутствовать при убийстве человека. Это было труднее и мучительнее всего. Я уже говорил вам, что не боялся умереть, хотя мысль о самоубийстве вызывала у меня отвращение. Но сколь низко я ценил свою жизнь, столь же высоко ставил жизни других людей. К тому же после гибели брата ужас смерти прочно утвердился в моей душе. Мне пришлось увидеть, как надсмотрщик, проснувшись, пытается сбросить с себя Лестата, как отчаянно он борется за жизнь в смертельных объятиях вампира... Наконец он обмяк, но умер не сразу: почти час мы простояли в маленькой спальне и смотрели, как его душа расстается с телом. Это тоже являлось частью моего превращения, иначе Лестат ни за что бы не остался в комнате. Затем нам надо было избавиться от трупа. Меня обуял настоящий ужас: я чувствовал, что еще немного – и я не выдержу. У меня начался приступ лихорадки, я с трудом передвигал ноги и, перетаскивая тело, едва сдерживал тошноту. А Лестат только смеялся. Он говорил, что, когда я стану настоящим вампиром, тоже буду смеяться. Но он ошибся: я никогда не смеюсь над смертью, хотя часто бываю ее причиной.

Дорогой, идущей вдоль реки, мы вывезли тело надсмотрщика в поле, сбросили его с повозки, порвали на нем плащ, вытащили из карманов деньги и влили в рот немного виски для запаха. Я хорошо знал его жену – она жила в Новом Орлеане – и представлял себе, как она будет горевать, когда труп найдут. Но еще мучительнее была мысль о том, что она никогда не узнает, что на самом деле случилось с ее мужем, что это не простые грабители подстерегли его пьяным на дороге. Когда мы били безжизненное тело, ломали кости и превращали лицо в кровавое месиво, непреодолимое отвращение поднималось у меня в душе. Вы не должны забывать, что все это время Лестат вел себя не как обычный человек. Мне он казался сверхъестественным существом, вроде ангела. Но постепенно его магическая власть надо мной стала ослабевать. Мое сознание раздвоилось. С одной стороны, как я уже говорил, он просто околдовал меня и подчинил себе мою волю. Мое собственное стремление к разрушению и желание быть проклятым вели меня по тому же пути. Именно они помогли Лестату осуществить задуманное. Но в тот момент речь шла не обо мне. Я помогал разрушить жизнь надсмотрщика, его жены, его семьи. Ужас охватил меня, и, может быть, я ускользнул бы от Лестата и окончательно потерял бы рассудок, но

безошибочный инстинкт подсказал ему, что происходит со мной.

Этот инстинкт... – Вампир задумался. – Пожалуй, я мог бы назвать его могучим инстинктом вампира. Для нас малейшее изменение выражения на человеческом лице говорит столько же, сколько оживленная жестикуляция – простым смертным. В Лестате он был развит необычайно сильно. Он поспешно затолкнул меня в экипаж и погнал лошадей домой. «Я хочу умереть, – бормотал я. – Это невыносимо. Ты же можешь убить меня – это в твоих силах. Позволь мне умереть». Я старался не смотреть на него, чтобы не поддаваться чарам его безупречной красоты. Он уговаривал меня, называл по имени и смеялся. Он твердо решил, что плантации должны достаться ему.

– Вы думаете, он не позволил бы вам уйти? – спросил юноша.

– Трудно сказать. Но теперь, хорошо зная Лестата, я думаю, он скорее убил бы меня, чем отпустил. Именно этого я и хотел. Точнее, мне казалось, что хотел. Как только мы добрались до дома, я выскочил из кареты и пошел, словно зомби, к кирпичной лестнице, той самой, с которой упал мой брат. Несколько месяцев дом стоял пустой – надсмотрщик жил в отдельном коттедже, – жаркий и влажный климат Луизианы уже начал свою разрушительную работу. Трещины между кирпичами заросли травой, кое-где даже проглядывали дикие лесные цветы. Помню ощущение ночного холода и сырости, когда, присев на нижние ступеньки лестницы, я положил усталую голову на кирпич, бесцельно перебирая руками крошечные цветочки. Я выдернул целый пучок и зажал в ладони. «Я хочу умереть, убей меня. Убей меня! – повторял я, словно заведенный. – Я стал убийцей и не могу больше жить». Лестат засопел от нетерпения, как бывает, когда выслушиваешь очевидную ложь. И вдруг бросился на меня. В жутком испуге я изо всех сил ударил его ногой в грудь, и его зубы только оцарапали мне горло. Кровь бешено колотилась у меня в висках. Одним движением, настолько стремительным, что я даже не увидел его, он отпрыгнул назад, к низу лестницы. «Мне показалось, ты хотел умереть, Луи», – сказал он.

Услышав имя, молодой человек кашлянул, словно хотел что-то спросить. Вампир сразу понял его и кивнул:

– Да, меня зовут Луи. – И продолжил рассказ: – Если бы я остался один и дошел до крайней черты, может быть, у меня хватило бы смелости покончить с собой, вместо того чтобы скулить и упрашивать других сделать это за меня. Я представлял себе долгие ежедневные страдания, как расплату за грехи, и

мысленно тянулся к ножу, искренне надеясь, что внезапная смерть дарует мне вечное прощение. И еще я видел, как стою на верху лестницы, там, где стоял брат, а потом падаю вниз и разбиваюсь о камни.

Но у меня не было времени собраться с духом. План Лестата был рассчитан по минутам. «Послушай, Луи», – сказал он и прилег на ступеньки рядом со мной, двигаясь изящно и интимно, словно любовник. Я отшатнулся, но он обнял и прижал меня к груди. Никогда я еще не видел его так близко. В тусклом свете его глаза неестественно сияли на белом лице. Предупреждая мое намерение пошевелиться, он поднес пальцы к моим губам и сказал: «Не двигайся. Я собираюсь высосать твою кровь до последней капли и хочу, чтобы ты лежал тихо, так тихо, чтобы ты слышал, как твоя кровь перетекает в меня. Только силой воли и разума ты должен поддерживать в себе жизнь». Я хотел было сопротивляться, но он так крепко прижимал меня к себе, что все мое распростертое тело находилось в его власти. Я оставил жалкие попытки вырваться, и он впился зубами в мою шею.

Вампир говорил, а юноша забивался в кресло все глубже и глубже. Его лицо напряглось, глаза сузились. Он словно ждал нападения.

– Вы когда-нибудь теряли много крови? – спросил вампир. – Вам знакомо это состояние?

Губы юноши обозначили слово «нет», но звука не получилось. Он сипло откашлялся и наконец сказал:

– Нет.

– Тогда слушайте. Наверху, в гостиной, горели свечи, а снаружи, на галерее, ветер раскачивал масляный фонарь. Эти два света смешались в мерцающее золотистое облако. Слово привидение повисло надо мной, зацепившись за перила лестницы... «Не закрывай глаза», – прошептал Лестат. Его губы прикоснулись к моей шее. Мурашки побежали у меня по спине. Как при поцелуе...

Некоторое время вампир стоял молча, задумчиво постукивая пальцами по подбородку.

– На несколько минут меня полностью парализовало от слабости, вызванной большой потерей крови. Мне было страшно, я не мог произнести ни слова. Лестат не выпускал меня. Его объятия были подобны стальному обручу. С удивительной отчетливостью я ощутил, как резким движением он разжал зубы на моей шее, оставив на ней две крошечные раны. Мне они казались огромными и наполненными болью. Затем он склонился ко мне, разжал сжимавшую мое беспомощное тело руку, поднес ее ко рту и прокусил себе запястье. Кровь хлынула потоком мне на рубашку и плащ. Казалось, прошла вечность. Он, не двигаясь, сверкающими глазами смотрел на кровь. Мерцающее облако очутилось у него за спиной, и он сам стал похож на ужасный призрак. Трудно сказать с уверенностью, но, думаю, я знал, что он собирается сделать. Обессиленный, я лежал и ждал. Вдруг он прижал кровоточащую кисть к моим губам и сказал твердо, даже нетерпеливо: «Пей, Луи!» Я повиновался его приказу, а он продолжал шептать: «Давай, Луи. Поторопись». Я пил, сосал кровь из маленьких дырочек, блаженно, как младенец. Все внимание, все силы моего тела и души сосредоточились на этих маленьких, едва заметных ранках. В тот миг они были для меня единственными источниками жизни. И тогда случилось это... – Вампир нахмурился и откинулся на спинку кресла. – Это невозможно описать словами. – Он перешел на шепот.

Юноша будто превратился в глыбу льда.

– Когда я почувствовал вкус крови на губах, мне показалось, что вокруг все исчезло, кроме трепещущего золотистого сияния где-то в вышине, но потом я услышал странный звук, доносившийся издалека. Вначале это был только глухой рокот, но скоро он рассыпался на фрагменты и стал походить на барабанный бой. Он становился все громче и громче, словно огромное существо медленно пробиралось к нам сквозь темный незнакомый лес и било в барабан. Вдруг к нему присоединились звуки второго барабана, как будто другое чудовище шло по следам первого, выбирая свой ритм, никак не связанный с прежним. Шум нарастал, наконец проник в каждую клеточку моего тела. Я чувствовал бешеную пульсацию этого ритма в своих венах: вначале один барабан, затем – другой. И вдруг Лестат убрал руку. Я открыл глаза и едва удержался, чтобы не схватить ее и не прижать к губам. Наверное, я бы так и сделал, но тут внезапная догадка пронзила меня, подобно молнии: этот барабанный бой был биением наших сердец. Моего и Лестата. – Вампир вздохнул. – Вы поняли хоть что-нибудь? – обратился он к юноше.

– Нет... то есть да, – запинаясь, пробормотал тот. – Хотя... – Он покачал головой.

– Неудивительно, – сказал вампир, глядя в окно.

– Подождите, подождите! – воскликнул юноша. – Лента кончается, я переверну кассету.

Вампир терпеливо ждал.

– Что же случилось потом? – спросил юноша, вытирая вспотевшее лицо платком.

– Я стал видеть по-другому. Глазами вампира, – равнодушно, почти рассеянно ответил Луи. Потом очнулся и продолжил: – Лестат отступил назад, на нижнюю ступеньку лестницы, но в первый момент я просто не узнал его. Прежде его лицо было абсолютно белым и светилось в темноте. Теперь он предстал передо мной полным жизни и крови, излучающим мощное яркое сияние, источник которого находился внутри его самого. Я огляделся по сторонам и обнаружил, что изменился не только Лестат. Преобразилось все вокруг.

Я вдруг словно прозрел и увидел мир во всем разнообразии цветов и форм. Помню, меня так захватила игра красок на пестрых пуговицах плаща Лестата, что я долго не мог оторвать от них глаз. Потом он вдруг рассмеялся, и мне показалось, что за один миг я излечился от многолетней глухоты. Барабанный ритм сердца по-прежнему звучал у меня в ушах, а теперь к нему присоединились раскаты металлического смеха, они слились в общий гул. Как будто одновременно звонят несколько колоколов. Но скоро я научился разделять звуки и старался слушать каждый в отдельности. Потом они снова перемешались, но я уже безошибочно отличал один от другого, эти мягкие, нарастающие звуки, прерывистые, но бесконечные, слившиеся воедино и такие разные. Перезвоны смеха. – Вампир счастливо улыбнулся. – Перезвон колоколов.

«Перестань тарашиться на мои пуговицы, – сказал Лестат. – Пойди лучше в сад, стряхни с себя прах человеческий. И не влюбляйся без памяти в эту ночь, а то заблудишься в трех соснах».

Последнее замечание было и впрямь нелишним: я это понял, едва отошел от дома. Лунный свет на мощеных дорожках сада заморозил меня, я стоял и глядел на них чуть ли не час. Я прошел мимо часовни брата, даже не вспомнив о нем; надо мной шумели дубы, и звуки ночи казались голосами тысяч женщин. Они шептали что-то, манили, звали к себе. Но мое тело переродилось еще не совсем,

и, привыкнув к новому зрению и слуху, я почувствовал боль. Все человеческое покидало меня. Человек во мне умирал – начинал жить вампир. И новые, обостренные чувства вампира родили во мне сперва тревогу, а потом и страх перед собственной смертью. Я бросился по ступенькам вверх, в гостиную. Лестат уже деловито разбирал мои счета и бумаги.

«Да ты богач», – приветствовал он мое появление.

«Что со мной происходит?» – закричал я.

«Ты умираешь, только и всего. Перестань валять дурака. Кстати, где у тебя лампы? Я не нашел ни одной, разве что фонарь на улице. Принеси мне его. У тебя столько денег, а ты не можешь раскошелиться на китовый жир».

«Умираю! – кричал я. – Умираю!»

«Это случается с каждым», – сказал Лестат.

Он не хотел мне помочь. Даже сейчас, оглядываясь назад, я презираю его за это. Не потому, что я был напуган, а он не утешил меня. Но он мог бы объяснить, что моя смерть, то есть перемена, происходившая со мной, столь же увлекательна и прекрасна, как ночь, которую я только что чувствовал и видел. Но он этого не сделал. Потому что Лестат был совсем не такой, как я.

В словах вампира не было ни тени самодовольства. Только сожаление, что ничего не изменишь.

– Alors[1 - Тем временем (фр.)], – вздохнул он, – я умирал быстро, а значит, и так же быстро умирал мой страх перед смертью. Жаль только, что я не мог спокойно и внимательно следить за своим превращением. Что я не уделил этому больше внимания. Лестат же вел себя как круглый идиот. «Черт побери! – вдруг выругался он. – Я забыл запасти для тебя еду. Ну что я за дурак!» Я едва не сказал, что придерживаюсь того же мнения. «И спать тебе придется со мной, – продолжал он. – Я не успел приготовить для тебя гроб».

Вампир рассмеялся.

– Слово «гроб» вселило в меня такой ужас, что, наверное, на него ушла вся оставшаяся у меня способность бояться. Но ужас быстро прошел, мне только не хотелось лежать в одном гробу с Лестатом. Сам он пошел попрощаться с отцом и сказать, что вернется к вечеру. «Куда ты идешь? Почему ты вечно пропадаешь по ночам?» – стал допытываться старик, и Лестат потерял терпение. Раньше он держался с отцом исключительно вежливо, пожалуй, даже чересчур, но тут взорвался: «Разве я не забочусь о тебе? Я все для тебя делаю, не то что ты для меня. Ты сейчас живешь так, как я никогда не жил, и если мне охота весь день спать и пьянствовать по ночам, то это, черт возьми, мое право!» Старик униженно заплакал. Только особенное состояние чувств, в котором я тогда пребывал, и страшная физическая слабость не дали мне вмешаться. Я наблюдал за происходящим через открытую дверь и не мог отвести глаз от разноцветного покрывала на постели отца Лестата и поразительного смешения красок на его лице. Я замороженно смотрел на голубые вены, пульсирующие под розово-серой кожей, пожелтевшие от старости зубы, мелкую дрожь тонких бескровных губ. «Что за сын, что за сын», – бормотал он. Конечно, он и не догадывался, кто его сын на самом деле. «Ну ладно, иди куда хочешь. Наверное, ты завел себе подружку и отправляешься к ней по утрам, когда муж уходит из дома. Только дай мне мои четки. Куда они запропастились?» Лестат опять выругался, но выполнил его просьбу...

– Но... – начал было юноша.

– Да? – отозвался Луи. – Простите, я, кажется, не даю вам и слова вставить.

– Вы сказали про четки. Но ведь на них обычно вешают крест...

– Ах вот в чем дело. – Вампир рассмеялся. – Я знаю, ходят слухи, что мы боимся крестов.

– Я думал, вампиру даже смотреть на крест нельзя.

– Чепуха, мой друг, полная чепуха. Я могу смотреть на все, что угодно, так же как и вы. Иногда даже люблю смотреть на распятия.

– Так, значит, и про замочные скважины это все ерунда? Я слышал, что вампиры могут превращаться в дым и просачиваться в запертую комнату.

– Хорошо бы, – смеясь, ответил вампир. – А вообще, недурная идея. Я сам не прочь полазить взад-вперед сквозь замочные скважины: наверное, они приятно щекочат разные места. Нет, – он покачал головой, – это, как вы говорите теперь... бред собачий.

Молодой человек невольно рассмеялся, но быстро стал серьезным.

– Не смейтесь, – сказал вампир. – Есть еще вопросы?

– Да, – слегка покраснев, признался юноша. – Говорят, что вампиру нужно проткнуть колом сердце, чтобы уничтожить.

– То же самое – бред собачий. – Луи старательно произнес согласные буквы, вызвав у юноши смущенную улыбку. – Никаких чудес тут нет. А почему бы вам не закурить? Я вижу, у вас пачка сигарет в кармане.

– Спасибо.

Молодой человек искренне обрадовался. Он засунул сигарету в рот и попытался прикурить, но руки слишком сильно дрожали.

– Позвольте мне, – пришел ему на помощь вампир и, проворно чиркнув спичкой, поднес ее к сигарете. Не сводя глаз с его пальцев, юноша затянулся.

– Пепельница у стены, – сказал вампир и уселся в кресло.

Заметно нервничая, молодой человек встал, вытряхнул в корзину для мусора старые окурки, поставил пепельницу на стол перед собой и положил на ее край сигарету. На белой папиросной бумаге отпечатались влажные пальцы.

– Это ваша комната? – поинтересовался он.

– Нет, – ответил вампир. – Просто комната.

– Что было дальше? – вернулся юноша к прерванному разговору.

Его собеседник смотрел на клубы дыма вокруг лампочки на потолке.

– Мы поспешили в Новый Орлеан. Там, в жалкой лачуге на окраине, неподалеку от крепостной стены, Лестат хранил свой гроб.

– Вы все-таки согласились спать вместе с ним?

– У меня не было выбора. Я просил его позволить мне лечь в чулане, но он только удивленно рассмеялся. «Разве ты знаешь, что с тобой случится?» – спросил он. «Скажи, этот гроб волшебный? Почему он такой странной формы?» – не отставал я от него, но не услышал в ответ ничего, кроме смеха. Я не мог себе представить, что буду спать в гробу. Я все еще упорствовал, но вдруг понял, что страх прошел. Это было очень странно. Я всегда боялся замкнутого пространства. Я родился и вырос во французских домах с просторными комнатами и окнами от пола до потолка, и взаперти меня охватывал непреодолимый ужас. Мне становилось не по себе даже в исповедальне. Я спорил с Лестатом и вдруг понял, что цепляюсь за старые страхи только по привычке, потому что пока не могу разобраться в своем новом положении, почувствовать себя раскованным и свободным. «Ты плохо себя ведешь, – отчитал меня Лестат. – Скоро наступит рассвет. К твоему сведению, ты умрешь, если не ляжешь со мной. Солнце разрушит кровь, которую я в тебя влил. Не могу понять, чего ты боишься? Ты как человек, который потерял руку, но все еще говорит, что чувствует в ней боль». Это были самые толковые слова, которые я слышал от Лестата. Я тут же пришел в себя. «Ну а теперь полезай в гроб, – презрительно приказал он мне, – если, конечно, у тебя есть хоть крупица здравого смысла». И я послушался. Я лежал на Лестате лицом вниз. Это соседство было противно, но страха, к собственному удивлению, я не чувствовал. Лестат задвинул крышку. Я спросил его, умер ли окончательно. У меня зудело и чесалось все тело. «Еще нет, – ответил он. – Ты умрешь к вечеру. Увидишь и услышишь, что все переменялось, но страшного не будет ничего. А теперь спи».

– Он оказался прав? Когда вы проснулись, вы были уже мертвы?

– Правильнее было бы сказать, что я проснулся обновленным, поскольку, как вы, наверное, заметили, жив я и поныне. Умерло только тело. Оно очистилось еще до того, как я лег спать. И мои чувства еще больше отдалились от нормальных человеческих. Но главное, что я понял на следующий же вечер, пока мы прятали гроб и воровали для меня другой из морга, – Лестат мне совершенно не нравится. Я стал почти таким же существом, как он, – конечно, еще не совсем

таким, но гораздо ближе, чем до того, как умерло мое тело. Хотя вы не сможете понять этого до конца, ведь вы сейчас такой, каким был я, пока не умер, а для меня живого Лестат был непостижим. Когда я увидел его впервые, это было самое сильное потрясение в моей жизни. Кстати, ваша сигарета догорела.

Юноша положил обгоревший фильтр в пепельницу и достал новую сигарету. На этот раз он справился со спичками.

– Вы хотите сказать, что он потерял все очарование, когда дистанция между вами сократилась?

– Именно так, – удовлетворенно подтвердил вампир и продолжил повествование: – Путешествие назад, в Пон-дю-Лак, подарило мне массу впечатлений, самым скучным и утомительным из которых был Лестат. Мы, как я уже сказал, еще не были с ним на равных. Пользуясь его словами, я все еще боролся с мертвыми частями собственного тела. Я и сам почувствовал это, в ту же ночь, когда впервые убил человека.

Вампир протянул руку через стол и осторожно стряхнул пепел с сигареты молодого человека. Юноша смотрел на него с нескрываемым страхом, и вампир извинился:

– Простите, я не хотел вас напугать.

– Нет, это вы простите. Мне показалось, что ваша рука... слишком длинная. Вы дотянулись до другого края стола, не двигаясь с места!

– Нет, – ответил Луи и положил ногу на ногу. – Просто я наклонился вперед так быстро, что вы не успели заметить.

– Вы наклонились вперед? Не может быть! Вы сидели все время в точности как сейчас, откинувшись на спинку кресла.

– Нет, – твердо сказал вампир, – я вовсе не собираюсь вас разыгрывать. Смотрите, я покажу еще раз. – Он повторил движение, и снова испуганный и смущенный юноша посмотрел на него недоуменно. – Опять вы за мной не угнались. Взгляните: эта рука самой обыкновенной длины. – Он воздел руку над

столом и поднял указательный палец вверх, словно ангел, несущий Слово Божье. – Вот в чем принципиальная разница между вашим зрением и моим. Мне самому этот жест показался медленным и даже вялым. И еще я отчетливо слышал шорох, когда мои пальцы коснулись вашей куртки. Я не собирался пугать вас, честное слово. Но это поможет вам понять, сколько нового подарила мне дорога из Нового Орлеана в Пон-дю-Лак.

– Да, – ответил молодой человек потрясенно.

Вампир посмотрел на него долгим взглядом, потом заговорил:

– Я начал рассказывать...

– О вашем первом убийстве.

– Верно. К нашему возвращению плантация походила на потревоженный улей. Был найден труп надсмотрщика, а потом и слепой отец Лестата в моей спальне. Никто не знал, откуда он взялся. В придачу ко всему меня не могли целый день разыскать в городе. Сестра сообщила в полицию, и полицейские приехали в Пон-дю-Лак раньше нас. Уже стемнело. Лестат на скорую руку объяснил мне, что я не должен позволить полицейским видеть себя даже при самом слабом освещении. Поэтому я отвечал на их вопросы в дубовой аллее перед домом, не обращая внимания на просьбы зайти внутрь. Я сказал, что слепой старик – мой гость, что, прибыв прошлой ночью на плантацию, я не застал надсмотрщика и подумал, что он уехал в Новый Орлеан по делам.

Постепенно все улеглось, но управлять плантациями стало трудно. Среди рабов началось брожение, целый день они не работали. В тот год у нас созрел большой урожай сырья, и без надсмотрщика было никак не обойтись. Среди рабов нашлось несколько смысленых парней. Можно было давно передать им работу надсмотрщика, но раньше меня отпугивала их африканская внешность и повадки, и я не хотел знакомиться с ними близко. Теперь же поручил им руководить работой, а лучшему из них пообещал в награду дом надсмотрщика. И еще я забрал с полей двух молодых женщин, чтобы они ухаживали за отцом Лестата. Я постарался втолковать им, что они не должны нарушать наш покой, что за это они получают больше денег. Я и не догадывался, что именно эти рабы, которых я так тщательно выбирал, первыми заподозрят неладное про меня и Лестата. Я не подумал тогда, что их опыт общения со сверхъестественным

куда богаче, чем у белых. Для меня это были дикие люди, разве что чуть-чуть одомашненные работой на господина. Как же страшно я ошибался! Но об этом после. Я собирался рассказать о своем первом убийстве. Его подстроил Лестат. Как обычно, бессмысленно и неумело.

- Неумело? - переспросил юноша.

- Я не должен был начинать с людей. Сам я еще не знал, что могу пить кровь животных вместо человеческой. Когда полиция уехала и рабы успокоились, Лестат потащил меня на болота. Было уже довольно поздно, и в хижинах рабов не горело ни огонька. Вскоре мы потеряли из виду и освещенные окна нашего дома, и я всерьез забеспокоился. Но опять-таки меня мучил не сам страх, а воспоминания о нем. Если б Лестат хотел, он мог бы спокойно объяснить мне, что я нахожусь в полной безопасности - ядовитые змеи и насекомые нам не страшны - и что сейчас лучше всего сосредоточиться на новом умении: видеть в темноте. Вместо этого он предпочел донимать меня бесконечными насмешками и упреками. Его заботило, только как бы поскорее найти жертву и завершить мое посвящение в вампиры.

Нашей конечной целью оказался маленький лагерь беглых рабов. Лестат навещал их и раньше, в результате чего людей в нем уменьшилось примерно на четверть. Он подстерегал тех, кто отходил от костра, или нападал на спящих. Они и не подозревали, куда пропадают товарищи. Больше часа мы ждали в засаде, и вот один из мужчин, а там были только мужчины, отошел от освещенного круга всего на несколько шагов в гущу деревьев. Он расстегнул штаны, оправился и повернулся к нам спиной, чтобы идти назад. И тогда Лестат толкнул меня в бок и прошептал: «Убей его».

Вампир улыбнулся, глядя в широко открытые глаза юноши.

- Я ужаснулся так же, как вы сейчас, и сразу отказался. Раб услышал мой голос и повернулся в нашу сторону, настороженно вглядываясь в темноту. Затем он быстро и молча выхватил из-за пояса длинный нож. Я пригляделся к нему повнимательней: это был здоровый и крепкий мужчина высокого роста, голый до пояса. Он произнес какую-то фразу на местном французском диалекте и шагнул вперед. Лестат очутился у него за спиной с поразившей меня быстротой, молниеносным движением вцепился ему в горло и в руку, сжимавшую нож. Не видя ничего в кромешной тьме, раб закричал, попытался сбросить Лестата, но тот уже добрался зубами до горла. Парализованный, как от укуса змеи, раб упал

на колени, а Лестат жадно и торопливо сосал его кровь, стараясь успеть насытиться до того, как подбегут другие. «Ты мне порядком надоел», – заявил он, когда обернулся ко мне. Все это время я стоял не шелохнувшись. словно насекомые, надежно укрытые темнотой, мы наблюдали за суетящимися и бегущими вокруг рабами. Они нашли раненого и оттащили его к костру, после чего, рассыпавшись веером, углубились в чащу, пытаясь найти нападавшего. «Пошли, надо поймать еще одного, прежде чем они вернуться», – сказал Лестат. Мы вышли из убежища в тени деревьев и бесшумно последовали за человеком, шедшим немного поодаль от других. Я был потрясен. Я не только не мог, но и не хотел нападать на не-го. Все могло быть иначе, если б Лестат правильно взялся за дело, и мой первый опыт убийства оказался бы куда богаче во многих отношениях.

– Что вы имеете в виду? – спросил юноша.

– Убийство для вампира – не только убийство. И это не значит просто до отвала насосать-ся свежей крови. Это значит почувствовать чужую жизнь – почувствовать, как она вместе с кровью медленно покидает тело. Убивая, я каждый раз умираю сам и рождаюсь заново, как в ту ночь, когда я сосал кровь Лестата и стук наших сердец слился воедино. Каждый раз это миг величайшего наслаждения, единственного наслаждения, которое доступно вампиру. – Он говорил очень серьезно, будто спорил с кем-то, отстаивал свое мнение. – До сих пор не могу понять, почему Лестат не чувствовал того же. А может быть, чувствовал, но скрывал. Так или иначе, ему не пришло в голову напомнить мне, как я припал к его окровавленной руке – во имя жизни – и не хотел отпускать ее. Он мог найти хорошее место, где бы я совершил первое убийство тихо и достойно. Но он торопился так, словно за нами кто-то гнался. Он догнал раба, бросился на него сзади, вцепился мертвой хваткой и подставил мне обнаженную шею несчастного. «Ну же! – крикнул он нетерпеливо. – Обратной дороги нет». Я подчинился, безвольно и с отвращением. Я встал на колени перед согнувшимся в железных руках Лестата, но продолжающим бороться человеком, придавил его плечи руками, добираясь до горла. Мои зубы еще не изменились окончательно, и приходилось вырывать целые куски кожи с мясом из живого тела. Но как только рана стала глубокой и кровь хлынула бурным потоком, я припал к ней губами и начал пить... и все вокруг исчезло.

Лестат, болото, далекий шум в лагере – все перестало существовать. Волшебство повторилось, как в первый раз; я чувствовал, как бьется и затихает в моих руках теплое живое тело. И снова зазвучал барабан – удары его сердца,

но теперь они четко совпадали с моими, переполняли мою душу и тело, потом ритм стал замедляться и превратился в долгий, тихий, бесконечный гул. Я парил, плыл в невесомости, и вдруг Лестат оттащил меня от жертвы. «Идиот, он давно уже мертв! – с присущей ему вежливостью сказал он. – Нельзя сосать кровь трупа. Запомни!»

На мгновение я словно обезумел. «Нет, – убеждал я Лестата, – его сердце все еще бьется». Меня неудержимо потянуло снова вцепиться в этого раба.

Я шарил руками по его груди и наконец нашел запястье. Я уже хотел прокусить вену, но Лестат отдернул меня за ногу, а потом ударил по лицу. Пощечина ошеломила меня, но не боль от удара, а шок, эмоциональный взрыв. Я очнулся в смятении и обнаружил, что стою, беспомощно прижавшись спиной к кипарису, и смотрю в темноту, а ночь жужжит у меня в ушах, словно рой насекомых. «Ты умрешь, если притронешься к нему, – поучал меня Лестат. – Если пить кровь мертвеца, он сам высосет тебя до последней капли и заберет с собой. Ты и так перебрал, тебе будет плохо».

Его голос действовал мне на нервы. Я чуть было не бросился на него с кулаками. Но он оказался прав: скоро у меня действительно жутко разболелся живот, мои внутренности словно затягивало в огромную воронку. Потом я узнал, что так бывает, когда чужая мертвая кровь смешивается с собственной. На обратном пути Лестат бесшумно пробирался по лесу, словно сытый кот, а я плелся сзади, голова разламывалась от боли, и резь в желудке не прошла даже по возвращении в Пон-дю-Лак.

Мы сидели в гостиной, Лестат раскладывал пасьянс. Я смотрел на него с отвращением. Он говорил, что скоро я привыкну и научусь убивать. Я не должен позволять себе переживать так, будто еще не стряхнул с себя «прах брэнной человеческой жизни». Впрочем, скоро все наладится. «Ты так думаешь?» – спросил я, хотя его мнение не интересовало меня ни в малейшей степени. Уже тогда я понял, что мы с Лестатом слишком разные. Для меня случившееся было подобно мировому катаклизму. Мой мир переменялся, я увидел другими глазами все вокруг, начиная с портрета брата на стене в гостиной и кончая маленькой звездочкой в небе за стеклянной дверью галереи. Я не мог себе представить, что другой вампир может быть к этому равнодушен. И чувствовал, что продолжаю меняться. Все, что видел и слышал, было мне безумно интересно, все трогало мою душу – даже шуршание карт, которые глянцевыми рядами ложились на полированное дерево стола.

Скучный и равнодушный, как простой смертный, он раскладывал пасьянс и чертыхался, глядя на карты. Он пытался внушить мне, что ничего особенного не произошло. Он не понимал, что другой может чувствовать иначе. К утру мне окончательно стало ясно, что я стою гораздо выше его, и я горько усмехнулся шутке судьбы, которая послала мне такого учителя. Ну что ж, пусть научит меня то-му, что знает сам, а мне остается только терпеть его вздорный характер и злость на все и вся. Лестат стал мне совершенно безразличен. Но я жаждал новых переживаний, столь же прекрасных и всепоглощающих, как первое убийство. И понял, что, если хочу научиться чувствовать как можно глубже и сильнее, я должен полагаться только на собственные силы. От Лестата не будет толка.

Уже минуло далеко за полночь. Я поднялся и вышел на галерею. Огромная луна стояла высоко над верхушками кипарисов, заливала светом свежепобеленные стены и колонны, чисто подметенный дощатый пол. Ночной воздух был чист и свеж после короткого летнего дождя, и капельки воды переливались всеми цветами радуги на листьях и траве в саду. Я прислонился спиной к колонне, касаясь головой нежных побегов жасмина, чудом уцелевших в борьбе с глицинией. Я думал о бесконечных возможностях, простирающихся передо мной в пространстве и времени. И тогда решил, что буду принимать все с нежностью и благоговением, черпая из каждой новой встречи то лучшее, что поможет мне двигаться дальше и дальше. Должен признаться, я и сам тогда толком не разбирался в собственных мыслях. Понимаете, я уже не хотел жить очертя голову, потому что боялся растратить попусту волшебный дар вампира – новое, пристальное видение.

– Я понимаю вас, – не задумываясь, ответил юноша. – Это похоже на любовь.

Глаза вампира засияли.

– Именно так. Это и есть любовь. – Он улыбнулся. – Я рассказываю так подробно, чтобы вы поняли, что между вампирами может пролегать пропасть, поняли, почему я не пошел по пути Лестата. Я презирал его не потому, что он ничего не чувствовал. Просто не мог понять, как можно терять понапрасну этот дар.

Но в ту же ночь он преподавал мне еще один урок.

Он всегда приходил в легкомысленный вос-торг от роскоши, окружавшей его в Пон-дю-Лак. Например, ему очень нравился изящный фарфоровый сервиз, на котором его отцу подавали ужин. Он любил трогать бархатные портьеры и водить носком туфли вдоль замысловатых узоров на ковре. В самую первую ночь на плантации он вынул из китайского шкафчика хрустальную рюмку и сказал: «Я соскучился по бокалам». В его словах прозвучало какое-то зловещее удовольствие, и я пристально посмотрел на него. Как он мне не нравился! «Я хочу показать тебе маленький фокус, – сказал он, – если ты тоже любишь бокалы». Он поставил рюмку на стол и вышел ко мне на галерею. Вдруг он снова переменялся и стал похож на крадущееся животное. Его глаза пронзали ночную темноту вокруг дома. Уставившись куда-то под своды ветвей дуба, он постоял минуту, потом перепрыгнул через перила и, мягко приземлившись, бросился вперед. Когда он показал мне добычу, я вздрогнул. Это была крыса. «Перестань вести себя как круглый идиот, черт возьми! – закричал он, увидев мое лицо. – Ты что, никогда крысы не видел?» Здоровенная полевая крыса с необычайно длинным хвостом отчаянно старалась вырваться на волю. Но он держал ее крепко, так, что она даже не могла кусаться. «Иногда попадаются довольно вкусные крысы», – заметил он, подойдя к столу в гостиной. Резким движением он вспорол ножом горло мерзкой твари и быстро наполнил бокал кровью. Труп крысы полетел обратно в сад, а Лестат триумфально поднял бокал и посмотрел сквозь него на пламя свечи. «Если прижмет, можно прожить и на крысах, так что перестань корчить такую физиономию, – сказал он мне. – Кошки, курицы, коровы – все сгодится. Когда плывешь на корабле, например, лучше ограничиться крысами, если не хочешь, чтобы из-за начавшейся паники всякие идиоты отыскивали твой гроб. Нет, лучше уж очищать судно от проклятых грызунов». Он сделал глоток с таким видом, словно пил бургундское, после чего, скривившись, недовольно буркнул: «Слишком быстро остывает».

«Ты хочешь сказать, что мы можем пить кровь животных?» Я был потрясен.

«Да. – Он допил бокал до дна и небрежно швырнул его в камин. Я невольно взглянул на осколки. – Ты ведь не возражаешь? – Он указал на них с саркастической усмешкой. – Очень надеюсь, что нет. Потому что все равно ты вряд ли можешь что-нибудь поделать».

«Отчего же. Я могу, например, запросто вышвырнуть тебя вместе с отцом из Пон-дю-Лак», – ответил я. Впервые за два дня общения с ним я дал волю своим чувствам.

«Зачем? – спросил он с фальшивой тревогой. – Ведь... ты еще многого не знаешь. – Он рассмеялся. Пробежав пальцами по атласному футляру спинета, он поинтересовался: – Ты играешь?»

Я сказал что-то вроде: «Не трогай!» Это вызвало у него новый приступ веселья.

«Хочу и трогаю! – заявил он. – Кстати, ты даже не знаешь, что может привести к твоей смерти. Было бы обидно умереть именно сейчас».

«Я найду кого-нибудь другого, кто меня научит, – сказал я. – Наверняка ты не единственный на свете. Твоему отцу около семидесяти, значит ты не так давно стал вампиром. Тебя же учил кто-то...»

«Неужели ты думаешь, что сможешь сам найти других вампиров? Они-то заметят тебя издалека, мой друг, а вот ты их – нет. Так что вряд ли у тебя есть выбор, приятель. Хочешь не хочешь, но именно я – твой учитель, и без меня тебе не обойтись. Не забывай к тому же, что у нас обоих есть о ком позаботиться. Моему отцу нужен доктор, а на тебе – мать и сестра. Не вздумай проболтаться, что ты вампир. Нужно только обеспечить им и моему старику спокойную жизнь. Другими словами, с завтрашнего дня не мешкай – убивай и занимайся своими плантациями. А теперь пора спать. Для безопасности мы ляжем в одной комнате».

«Ну уж нет, – сказал я. – Ищи себе сам безопасную спальню. Я предпочитаю спать в одиночку».

Он разозлился не на шутку. «Не делай глупостей, Луи, предупреждаю тебя, – сказал он с угрозой. – Ничто тебе не поможет, когда взойдет солнце. Ничто. Отдельные комнаты создают двойные меры предосторожности и двойной риск быть обнаруженным».

Он привел целую кучу доводов, пытаюсь запугать меня, но с таким же успехом он мог обращаться к стене. Я внимательно следил за ним, но не слушал. Таинственный ореол вокруг него растаял без следа. Передо мной стоял глупый хрупкий манекен, словно сплетенный из ивовых прутьев, и верещал противным, злым голосом.

«Спокойной ночи, я пошел», – сказал я и аккуратно погасил свечи одну за другой.

«Останься хотя бы сегодня, уже почти рассвело», – не унимался он.

«Запрись покрепче и ложись спать. Я сам позабочусь о себе», – сказал я, взял гроб в охапку и пошел вниз по лестнице. Сверху донесся щелчок замка и легкий шелест портьеры.

Небо побледнело, но звезды еще светили. Прошел легкий дождь, и мокрые пятна темнели на мощеных дорожках сада. Я раздвинул кусты дикой розы и терновника, открыл дверь в часовню брата, вошел и опустил гроб на каменный пол перед аналоем. Почерневшие образа были едва различимы в темноте. «Поль, – тихо обратился я к брату, – первый раз в жизни нет во мне ужаса перед твоей смертью. И первый раз в жизни я так сильно чувствую тебя. Я тоскую по тебе, как никогда раньше».

– Понимаете, – Луи повернулся к юноше, – именно тогда и совершилось мое полное превращение. Я закрыл деревянные ставни на узких решетчатых окнах, запер дверь. Атласная обивка моего нового ложа слабо светилась во тьме. Я улегся в гроб и захлопнул над собой крышку. Вот так я стал вампиром.

* * *

Наступило долгое молчание. Потом юноша сказал:

– И вы остались жить с ненавистным Лестатом.

– А что я мог поделаться? – ответил Луи. – Тогда я еще всецело зависел от него. Он все время намекал, что я многого не знаю и научить меня всему может только он. Например, он объяснил мне, как путешествовать на корабле. Надо представить дело так, что в гробах мы перевозим останки близких для перезахоронения. Ни у кого не хватило бы наглости проверять нас, и мы могли бы спокойно спать днем, а по ночам охотиться на корабельных крыс. Лестат хорошо знал торговцев и хозяев магазинов. Они всегда нас радушно принимали, несмотря на поздние часы, и предлагали на выбор любые образцы одежды по самой последней парижской моде. Он водил знакомство с мелкими

бизнесменами и агентами, которые обделывают свои дела по вечерам за столиками кабаре или ресторанов. В подобных вещах Лестат действительно хорошо разобрался и оказался неплохим учителем. Кем он был при жизни, я не знал, да и не хотел знать. Судя по всему, мы не сильно различались по происхождению, хотя это меня мало волновало. Правда, именно благодаря этому обстоятельству наша совместная жизнь протекала более или менее гладко. Вкус у Лестата был безукоризненный, но мою библиотеку он называл «грудой пыли». «Это все чепуха, игрушки для людей», – твердил он и при этом тратил огромные деньги (мои, естественно) на роскошную мебель для Пон-дю-Лак. Даже я, равнодушный к деньгам, внутренне содрогался. Иногда, очень редко, у нас бывали гости, в основном путники в поисках ночлега. Часто они показывали рекомендательные письма от других плантаторов или чиновников из Нового Орлеана. Лестат радушно принимал их, развлекал и вообще вел себя на редкость вежливо. В такие дни я мог вздохнуть свободнее, потому что обычно мне приходилось сидеть с ним один на один в четырех стенах и молча сносить его злобный цинизм.

– Этих людей он не трогал? – спросил молодой человек.

– Конечно трогал. Но позвольте открыть вам небольшой секрет. Уж лучше видеть человека мертвым, чем оказать ему неучтивый прием. Кстати, это свойственно не только нам, вампирам, но и военным, генералам, даже королям. Странно, конечно. Но это правда. Я прекрасно знал, что Лестат убивает людей каждую ночь, – знал и молчал. Вот если бы он позволил себе грубость или невежливость по отношению к моей семье, гостям или рабам, я бы живо поставил его на место. Но ничего подобного. Лестат был сама обходительность, казалось, его даже радуют гости. И он всегда говорил мне, что на содержание своих родных мы не должны жалеть денег. Смешно: он прямо-таки душил старика-отца роскошью. Все время напоминал ему, что целую кучу денег истратил на его пижамы и ночные сорочки, что полог над его кроватью специально выписан из Европы, рассказывал, какие благородные вина, французские и испанские, хранятся в наших подвалах, и хвалился, что даже в самые неурожайные годы наша плантация приносит огромный доход. Но иногда он бывал страшно груб с отцом. Дикая вспышка сыновнего гнева пугала старика – он начинал плакать, как ребенок. «Я содержу тебя не хуже барона, – орал Лестат. – У тебя есть все, что пожелаешь! Так что перестань приставать ко мне с посещениями церкви и твоих старых друзей. Этот вздор мне осточертел. Твои старые друзья давным-давно умерли. Почему бы тебе не отправиться вслед за ними? Может быть, тогда ты оставишь в покое меня и мой кошелек!»

Отец плакал, бормотал, что уже стар и ему ничего не нужно, что он с радостью остался бы на своей маленькой ферме. Меня часто подмывало спросить: «Где ваша ферма? Откуда вы приехали в Луизиану?» – чтобы узнать, где Лестат повстречался с другим вампиром. Но я не рисковал заводить этот разговор. Старик начал бы плакать, а Лестат наверняка пришел бы в неистовство. Надо сказать, что большую часть времени Лестат вел себя с отцом как ангел. В порыве почти подобострастной заботы он приносил ему ужин на подносе, рассказывал про погоду, про последние городские новости и про мою мать и сестру. Было очевидно, что по образованности и изящным манерам Лестат ушел от отца далеко вперед, но как это случилось и почему, я не мог понять. И я решил не думать об этом и не вступать в их отношения.

Вообще говоря, наша жизнь была довольно сносной, хотя за насмешливой улыбкой Лестата всегда прятался намек на то, что ему ведомы прекрасные и страшные тайны мироздания, о самом существовании которых я даже не подозревал. Он все время хотел унижить меня, презирал мое нежелание стать таким же, как он – хладнокровным убийцей, – высмеивал то полубморочное состояние, в которое я впадал всякий раз во время убийства. Помню, он зашелся от хохота, когда я с удивлением обнаружил, что вижу свое отражение в зеркале, а кресты и распятия никак на меня не действуют. На мои постоянные вопросы о Боге и о дьяволе всегда кривил губы в усмешке. «Хотел бы я однажды ночью повстречаться с Сатаной, – сказал он как-то со злобной гримасой. – Ему пришлось бы бежать не останавливаясь отсюда до Западного побережья. Потому что я сам – дьявол». Заметив мой ужас, он громко захохотал.

Скоро моя неприязнь к нему перешла в холодную подозрительность, но я продолжал изучать его с невольным интересом. Часто я ловил себя на том, что не могу отвести взгляд от его руки, ставшей для меня источником новой жизни. Застывал на месте, моя душа словно покидала тело, или, точнее, само тело становилось душой. Это раздражало Лестата. Он не хотел понять меня, моего стремления познать истину. Чтоб привести в чувство, он грубо тряс меня за плечи. Я терпел его выходки спокойно, со странной отрешенностью, которая была мне неведома в прежней жизни, и понял, что такова моя новая природа, природа вампира; часами я сидел один и думал о брате, о его жизни, короткой и плутающей во мгле; я понял, что бессмысленно и суетно тратил душевные силы, когда оплакивал его смерть и бросался на людей, как дикий зверь. Вспоминал свое смятение, свои безумные мысли, словно пляшущие в тумане. Но то были мысли смертного человека. Я стал вампиром, и все переменялось. Осталась только глубокая, бездонная печаль. Это не значит, что я целыми днями сидел и предавался унынию. Вы должны понять меня правильно – я уже не мог терять

время понапрасну. Я жадно смотрел на мир вокруг себя, на людей, и видел, что каждая жизнь – бесценна, что бесплодные терзания и жалкое чувство вины делают ее еще короче, и годы тогда бегут, как песок сквозь пальцы. Только теперь я по-настоящему узнал свою сестру. Я велел ей все время жить в городе, потому что только там она могла почувствовать силу своей молодости, своей красоты. Хотел, чтобы она вышла замуж, чтобы перестала думать о смерти брата и страдать от разлуки со мной, и не дай ей бог стать сиделкой при нашей матери. Я старался давать им все, исполнял все желания, даже капризы. Сестра смеялась и говорила, что я сильно изменился. По вечерам мы ходили гулять. Узкие деревянные мостовые города выводили нас к дамбе, под сень деревьев. Светила луна, ласковый, теплый воздух был полон запаха цветущих апельсиновых рощ. Мы говорили о ее заветных мыслях и надеждах, и только мне она доверяла свои самые тайные мечты – шепотом, на ухо, в полутемной гостиной. Я смотрел на нее и думал, что эта нежная, милая, хрупкая плоть, это бесценное творение Божье скоро состарится и умрет и никогда уже не сможет разделить со мной эти прекрасные, неуловимые минуты, которые туманно обещают бессмертие – и обманывают нас. Только ради таких мгновений и стоит жить, думал я, но, прежде чем мы научимся узнавать их и наслаждаться ими, должно пройти полжизни, ничтожной по сравнению с вечностью.

Вот что открылось мне, когда я стал вампиром. Мы с Лестатом были одиноки в мире людей, и ничто человеческое уже не отвлекало меня. А деньги давались нам легко. Я объясню почему.

Лестат и раньше знал, как добывать средства к существованию. Он умело выбирал жертву – по богатому платью, по экстравагантным манерам. Но ему всегда не хватало надежного убежища. Вот что мучило его больше всего. Я быстро понял, что за внешностью джентльмена он скрывал полное невежество в финансовых вопросах. Обо мне этого нельзя было сказать, так что мы решили разделить обязанности. Он умел в любую минуту раздобыть наличные деньги, а я умел выгодно их вложить. Обычно Лестат опустошал по укромным уголкам карманы своих жертв. И, кроме того, он играл. В лучших игорных домах он подсаживался к богатым плантаторским сынкам, очаровывал их и с безошибочным чутьем вампира вытягивал золото, доллары и ценные бумаги. Этим он промышлял еще до нашей встречи, но мечтал все-таки о другой жизни. Вот почему он нашел меня, посвятил в вампиры и заполучил таким образом бесплатного финансового агента.

Я постараюсь рассказать вам про тот, старый, Новый Орлеан, и вы поймете, почему нам жилось так легко и просто. Другого такого города в Америке не найти. Населяла его разношерстная публика. Французы и испанцы разных сословий – именно они положили начало местной аристократии. Потом хлынула новая волна иммигрантов, в основном это были ирландцы и немцы. Черные рабы тогда еще не смешались с людьми другой крови и жили обособленно, по древним племенным законам, словно пришельцы из других миров. Быстро рос новый класс – свободные цветные смешанных кровей, – так рождалась ни на кого не похожая каста: ремесленники, художники, поэты. Их женщины словно возродили античную земную красоту. Тысячи индейцев собирались в жаркие летние дни возле плотины. Они продавали целебные травы и поделки из дерева, камня и кожи. В это фантастическое смешение языков и красок вливались матросы с сотен кораблей. Они сходили на берег, чтобы потратить море денег, покупали на одну ночь прекраснейших женщин всех цветов кожи, наслаждались изысканной французской и испанской кухней и пили европейские вина. Но шли годы, и появилась новая нация: американцы. Город начал расти. Вверх по реке за старым Французским кварталом они выстроили роскошные особняки в греческом стиле: при луне стены их светились, как древние замки. Ну и конечно, плантаторы, без них никак не обойтись. Они наезжали в город целыми семьями, раскатывали в сияющих ландо, скупали в магазинах вечерние туалеты, серебро и драгоценные камни. Нескончаемым потоком текли экипажи по узким улочкам. Люди спешили во Французскую оперу, в городской театр или в собор Святого Людовика. Из распахнутых дверей собора лилась музыка. Торжественная месса плыла над городом, над воскресной суетой, над шумом Французского пассажа, над туманными силуэтами кораблей на волнах Миссисипи. Отгороженная от города плотиной река словно сливалась с небом, и казалось, что корабли, как птицы, парят над землей.

Прекрасный, волшебный город, жить в нем было так сладко. Помню вечерние прогулки в полусвете газовых фонарей... Элегантному, богато одетому вампиру ничего не стоило затеряться в экзотической толпе, разве что иногда послышится шепот: «Посмотрите, вот тот человек... он такой бледный... как светится его кожа... и эта походка... тут что-то не так!» Но прежде, чем прозвучит еще хоть слово, вампир исчезал, растворялся в знакомом городе, темные аллеи звали его на поиски добычи, он видел в темноте, как кошка, он выходил на охоту. Полутемный кабаk, где спит пьяный матрос, уронив голову на столик; гостиничный номер с высокими потолками, одинокая женщина дремлет, ее ноги покоятся на расшитом пуфике, колени укрыты кружевной шалью. Маленькая склоненная головка подсвечена тусклым огнем. Она не заметит тени, скользнувшей по лепнине потолка, не увидит, что длинные белые пальцы уже

тянутся погасить хрупкое пламя ее свечи.

Я заметил странную вещь. Все люди, которые жили когда-то в Новом Орлеане, мужчины и женщины, – все оставили память о себе. Они запечатлели себя в мраморе, кирпиче и камне, они выстроили дома, которые стоят и поныне. Нет уже газовых фонарей, в небе над городом летают самолеты, на Кэнал-стрит возвышаются современные офисы. Но прежняя романтика, прежняя красота все же сохранилась. Может быть, не на каждой улице. Но на многих. Я гуляю по Французскому или по Садовому кварталу, светят звезды, и я словно возвращаюсь на сотни лет назад. Такова уж природа зданий, будь то жалкая лачуга или дворец с коринфскими колоннами, обнесенный чугунной решеткой. Оказавшись рядом с ними, заново переживаешь давние чувства. Луна в ночном небе над Новым Орлеаном не изменилась, и так будет всегда, пока стоит город. Душа города осталась прежней.

Вампир печально вздохнул и покачал головой, словно сомневаясь в собственных словах.

– Так о чем мы говорили? – устало сказал он. – Ах да, о деньгах. Итак, Лестат грабил своих жертв, предоставив мне решение главной задачи – правильное вложение капитала. Я пил только кровь животных, а он убивал людей, по двое-трое за ночь, а иногда и больше. Одной жертвы ему было мало, он только утолял жажду и тут же отправлялся дальше, на охоту. Причем, как он сам выражался, чем лучше человек, тем больше он ему нравился. Он любил начать ночь со свежей, молоденькой девушки, а кульминацией и подлинным триумфом считал убийство юноши примерно вашего возраста. Да, к ним у Лестата была особая страсть.

– Моего возраста? – прошептал молодой человек и в ужасе отшатнулся.

– Да. – Вампир словно не заметил страха на лице собеседника. – Потому что труднее всего расставаться с жизнью, когда она стоит на пороге расцвета. Это мое объяснение. Лестат, конечно, ни о чем таком не задумывался. Он вообще ничего не понимал.

Чтобы рассказать о гнусных привычках Лестата, достаточно одного примера. Неподалеку от нас, вверх по реке, находилась тогда плантация семьи Френьер. Чудесная, плодородная земля, прекрасная почва для сахарного тростника,

и Френьеры возлагали на нее большие надежды: как раз в то время впервые начали рафинировать сахар. Может быть, вы знаете, что процесс рафинирования изобрели в Луизиане. Какая горькая ирония: именно та земля, которую я так любил, подарила миру этот страшный яд. В городе только и думали что о новом открытии, сладкая, губительная отравка властвовала над людьми, как наркотик, все прежние ценности померкли перед ней... Но вернемся к нашему разговору. Итак, по соседству с нами жили Френьеры – известный старинный французский род. Родители умерли, осталось шестеро детей: пять дочерей и сын. Трех девицам судьба уготовила участь старых дев, две другие были еще молоды. Все заботы о семье легли на плечи единственного брата. Он управлял плантацией, пытался найти подходящие партии для сестер и собирал для них приданое. Благосостояние дома висело на волоске. Все зависело от будущего урожая, под который он брал кредиты. Он заключал сделки, решал финансовые вопросы и как мог оберегал внутренний мир семьи от грубой действительности. Именно его Лестат наметил себе в жертвы. Но на этот раз фортуна едва не обманула Лестата. Он обезумел. Он готов был жизнь отдать, только бы заполучить Френьера. А дело вот в чем. Случилось так, что Френьера вызвали на дуэль. На балу он оскорбил молодого испанского креола. Ссора вышла из-за пустяка, но, подобно всем молодым креолам, противник Френьера горел желанием умереть ни за что. Они оба хотели умереть ни за что. В доме у Френьеров поднялся переполох. Конечно, Лестат обо всем узнал. Мы часто охотились на плантациях Френьеров: Лестат на рабов и мелких воришек, а я – на животных.

– Вы убивали только животных? – очнулся юноша.

– Да, но об этом позже. Как правило, насытившись, я не мог отказать себе в излюбленном развлечении вампира – наблюдать за людьми, не подозревающими о его присутствии. Поэтому я знал сестер Френьер так же хорошо, как розовые кусты вокруг часовни, где я спал. Это были замечательные девушки. Каждая по-своему не уступала в остроте ума брату, а одна (я назову ее Бабетта) даже намного превосходила. Но они не получили достаточного образования, чтобы самостоятельно вести дела, и – об этом знала вся округа – полностью зависели от брата. Они буквально молились на юношу, считали его полубогом, и никакое другое чувство в их сердцах не могло даже отдаленно сравниться с пылкой и самозабвенной любовью к брату. Отчасти такая сильная привязанность объяснялась инстинктом выживания: если бы Френьера убили на дуэли, их мир рухнул бы. Так что можете себе представить, что творилось в доме вечером накануне дуэли. А Лестат злобно скрежетал зубами при мысли, что Френьер может ускользнуть.

– Если я вас правильно понял... вы сочувствовали сестрам Френьер?

– Всей душой, – ответил вампир. – Их положение виделось мне безнадежным. А юношу мне было искренне жаль. Он заперся в отцовском кабинете и написал завещание. Дуэль назначили на четыре часа утра. Он сам прекрасно понимал, что для семьи последствия его гибели будут ужасны, и жалел, что ввязался в это дело. Но выхода он не видел. Отказаться от дуэли? Но это означало не только навсегда запятнанную честь и изгнание из общества. Противник наверняка продолжал бы его преследовать и в конце концов заставил бы драться. Так что в полночь он отправился в город. Он твердо решил идти до конца по единственно возможному пути и мужественно смотрел в лицо смерти. Ему предстояло убить испанца или умереть самому. На его лице отражались такие глубокие переживания, такая мудрость, такая борьба... Никогда прежде у предчувствующих смерть жертв Лестата я не видел такого выражения. И я первый раз в жизни решил, что пойду против Лестата. Раньше мне удавалось отговорить его от этой мерзкой затеи, но теперь он не остановился бы ни перед чем, лишь бы испанец не успел перебежать ему дорогу.

Следом за Френьером мы поскакали в Новый Орлеан. Лестат хотел только одного – успеть схватить юношу. А я хотел успеть удержать Лестата. Место для дуэли выбрали у северных ворот города, на краю болота. Мы прискакали туда незадолго до четырех, времени до рассвета оставалось мало, и мы рисковали не вернуться вовремя в Пон-дю-Лак. Наши жизни тоже были в опасности. Меня душила ненависть к Лестату. Он совсем обезумел. «Ты должен дать Френьеру шанс», – убеждал я его. Я пытался удержать его силой. Была зима, с болота тянуло промозглой сыростью. Хлестал ледяной дождь. Конечно, непогода страшна для меня не так, как для вас. Я не боялся простудиться или замерзнуть насмерть. Но все равно вампиры чувствуют холод не меньше вашего. В таких случаях хорошо помогает горячая кровь жертвы. Но в ту ночь не холод меня волновал, а темнота, сгустившаяся из-за непроглядных туч. В темноте Френьер был беззащитен перед Лестатом. Стоило ему на шаг отойти от друзей – и его бы уже ничто не спасло.

– Но вы же говорили, что смотрели на мир отрешенно, со стороны...

– Да, верно. – Вампир задумался. – Но ненависть тогда оказалась сильнее. Я ненавидел Лестата. Для него это была только прихоть – прихоть, которая обрекла бы на гибель целую семью. Он презрительно попирал все то, что должен был, как вампир, особенно глубоко чувствовать. Я изо всех сил старался

удержать его. Он плевал мне в лицо, выкрикивал оскорбления. Френьер принял шпагу из рук секунданта и шагнул вперед, в сырую траву, навстречу врагу. Они быстро переговорили, и схватка началась. Через мгновение все было кончено. Первым же выпадом Френьер смертельно ранил испанца в грудь. Истекая кровью, тот упал на траву и кричал что-то неразборчивое. Френьер стоял рядом и смотрел на него. Победа не радовала его. Лицо выражало только боль. Секунданты с фонарями подошли к нему и уговаривали немедленно уйти – о раненом позаботятся друзья. Испанец никому не позволял до себя дотронуться. Увидев, что Френьер повернулся спиной и, понурясь, пошел прочь, он выхватил из-за пояса пистолет. В кромешной темноте никто этого не заметил, кроме меня. Я закричал – хотел предупредить Френьера об опасности – и бросился к испанцу. Лестат только этого и ждал. Я растерялся, сам подставил себя под пули, отвлек внимание Френьера. И тогда Лестат, вооруженный долгим опытом, как молния бросился на юношу, схватил его за горло и утащил в заросли кипарисов. Никто даже не понял, что произошло. Прозвучал выстрел, раненый замертво упал на землю. Я понял, что совершил роковую ошибку. Проваливаясь по колена в полузамерзшую болотную жижу, я бросился за Лестатом.

Я нашел их очень скоро. Френьер лежал на узловатых корнях кипариса, его ноги по щиколотку ушли в темную воду болота. Лестат склонился над ним и держал его за руку, все еще сжимающую эфес шпаги. Я попытался оттащить Лестата, но он, не поворачиваясь, встретил меня неуловимым движением правой руки. Я даже не почувствовал удара и очнулся в зловонной грязи. Конечно, Френьер был уже мертв. Глаза его были закрыты, бескровные губы не шевелились. Он как будто спал. «Будь ты проклят!» – крикнул я Лестату. Потом вздрогнул и замолчал: тело юноши начало медленно погружаться в трясины. Лестат ликовал. Он коротко напомнил мне, что меньше чем через час мы должны быть в Пон-дю-Лак, и пообещал, что отомстит мне за все. «Если бы мне не понравилась кровь этого юного плантатора, – сказал он, – я прикончил бы тебя сегодня же. И знаешь как? Я бы загнал твою лошадь в болото. Тебе осталось бы только вырыть яму и подохнуть!» И он ускакал прочь.

Даже теперь, спустя столько лет, кровь у меня закипает от ненависти. В ту страшную ночь я понял, что для Лестата значит быть вампиром.

– Он просто хладнокровный убийца. – В словах юноши прозвучал отголосок гнева его собеседника. – Для него нет ничего святого.

– Ничего святого. Только месть. Месть самой жизни. Убивая, он мстил. Неудивительно, что у него не было ничего святого. Настоящее видение вампира было ему недоступно, потому что он сосредоточился на маниакальной вендетте всему человечеству, покинутому им когда-то. Ничто, кроме убийства, не могло доставить радость этой черной душе, полной зависти и злобы. Но и убийство не давало ему ни настоящей радости, ни удовлетворения, потому что он хотел только одного – разрушить чужую жизнь. Вот почему он убивал снова и снова. Его сжигала неутолимая жажда мести – низкая, слепая и бесплодная.

Но я хотел рассказать про сестер Френьер. Я добрался до их плантации только в половине шестого. Но не беспокоился, ведь дом был совсем рядом. Проскользнув на верхнюю галерею, я заглянул в незанавешенное окно. Все пять сестер собрались в гостиной. Должно быть, они так и не ложились спать. Тускло горели свечи. Они сидели, точно на похоронах, и ждали известий. Все были одеты в черное. Их бледные лица, исполненные мужества и печали, призрачно светились в обрамлении черных платьев и волос цвета вороного крыла. Только Бабетта казалась собранной и спокойной. Как будто в душе она уже решила взять на себя бремя забот о семье после гибели брата. Мне она напомнила самого Френьера перед поединком. Задача, стоявшая перед ней, была почти невыполнима. Ее жизнь и жизнь семьи могла разрушиться, и виноват в этом был Лестат. И я решился на огромный риск. Показался ей. На секунду вышел на свет. Вы видите, лицо у меня белое и очень гладкое, оно отражает свет, как полированный мрамор.

– Да, – взволнованно сказал юноша. – По-моему, это очень красиво... Интересно, а вы... – Он осекся. – Нет, продолжайте.

– Вы хотели спросить, был ли я хорош собой при жизни? – спросил вампир. Юноша кивнул. – Да, был. Я мало изменился внешне. Но тогда я сам не знал, как выгляжу. Меня окружала сплошная суета, я ничего не замечал, потому что ни на что не смотрел. Даже на свое отражение в зеркале. Особенно на отражение. Но вернемся к нашему разговору. Решившись показать себя Бабетте, я шагнул к оконному стеклу, когда она случайно обратила туда взгляд.

Мгновенно сестры были оповещены, что она видела странное существо, похожее на привидение. Черные рабыни наотрез отказались пойти посмотреть, в чем дело. Я нетерпеливо ждал и наконец добился своего. Презрев общий страх, Бабетта взяла со стола канделябр, зажгла свечи и одна вышла ко мне на галерею. Ее сестры робко остановились в дверях, словно стая больших черных

птиц. Одна из них плакала и говорила, что брат, наверное, погиб и теперь к ним явился его призрак. К счастью, Бабетта, будучи умной и смелой девушкой, не допускала и мысли, будто увиденное могло оказаться всего лишь игрой воображения или привидением. Я подождал, пока она пройдет до конца галереи, прежде чем заговорить, но и тогда позволил ей разглядеть лишь смутный контур моего тела на фоне белой колонны. «Прикажи сестрам вернуться в комнату, – прошептал я. – Я пришел сюда рассказать тебе о судьбе брата, и ты должна слушаться меня». Она замерла на секунду, затем повернулась на голос, пытаясь рассмотреть меня в темноте. «У меня мало времени. Не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого», – как можно более убедительно произнес я. Оправившись от испуга, она повиновалась. Она сказала сестрам, что ей просто померещилось, и велела им идти в гостиную и закрыть дверь. Они подчинились с радостью людей, нуждающихся в чьем-то руководстве. Тогда я вышел из тени и приблизился к Бабетте.

Глаза юноши округлились, и он спросил, прижав руку ко рту:

– Она видела вас... так же близко, как я сейчас?

– Вы спрашиваете об этом таким невинным голосом, – улыбнулся вампир. – Да, думаю, именно так оно и было. Впрочем, при свечах я выглядел не так сверхъестественно. Но я даже и не пытался притворяться перед ней и изображать обычного человека. «У меня в запасе несколько минут, – начал я, – но то, что я собираюсь сказать, для тебя очень важно. Твой брат смело дрался на дуэли и вышел победителем, но – увы! – это еще не все. Смерть все же настигла его, подкравшись сзади, как тать в ночи. Несмотря на все свое мужество и великодушие, он оказался бессильным перед ней. Главное, что теперь судьба плантации и дома целиком зависит от тебя. Ты должна занять место брата, не обращая внимания на возмущение и недовольство общества и призывы к здравому смыслу, а за ними дело не станет. Ты можешь управлять делами и спасти плантацию. Все, что от тебя требуется, – не дать убедить себя в обратном. Не слушай никого. Земля осталась точно такой же, какой была вчера, когда твой брат спал в комнате наверху. Ничего не изменилось, но теперь, когда его больше нет на свете, тебе самой придется браться за дело. Если же ты поступишь иначе, ты потеряешь и землю, и семью. Тебе и твоим сестрам не останется ничего, кроме жалкого существования на скудный пансион, и вашим уделом окажутся крошки и объедки с роскошного стола жизни, предназначенной для вас. Учись тому, что тебе может пригодиться, и не останавливайся ни перед какими трудностями. Вспоминай мои слова каждый

раз, когда у тебя возникнут сомнения в правильности избранного пути, и черпай в них силы, чтобы идти дальше. Твой брат мертв, твоя судьба – в твоих собственных руках».

Я видел по ее лицу, что она вслушивалась в каждое мое слово. Предотвращая неизбежные вопросы, я объяснил ей еще раз, что у меня нет времени. Приложив все свое умение, я постарался уйти так быстро и незаметно, чтобы ей показалось, будто я растаял в воздухе или провалился сквозь землю. Я спустился в сад и взглянул наверх. Некоторое время она стояла, освещенная пламенем свечей, затем прошла по темной галерее – наверное, искала меня между колоннами – и в конце концов вернулась в комнату, где ее ждали сестры. – Вампир улыбнулся. – Судя по тому, что по округе не поползли слухи о привидении, явившемся Бабетте Френьер, она сохранила мой визит в тайне. На смену первому взрыву горя, вызванному известием о смерти молодого плантатора, и сочувственным пересудам насчет бедных женщин, оставшихся одинокими, без мужчины, способного позаботиться о них, пришло возмущенное негодование, когда Бабетта ясно дала понять, что намерена сама управлять плантацией и всеми делами. Несмотря на трудности и отсутствие опыта, ей быстро удалось собрать приданое для младшей сестры. Сама она вышла замуж год спустя. Все это время мы с Лестатом почти не разговаривали друг с другом.

– Он по-прежнему жил в Пон-дю-Лак?

– Да. Я не был уверен, что он рассказал мне все, что необходимо знать вампиру для самостоятельной жизни. К тому же мне постоянно приходилось изворачиваться, чтобы окружающие не догадались, кто я такой на самом деле. Я не присутствовал при обручении сестры, поскольку у меня случился «приступ малярии». Что-то похожее помешало мне приехать на похороны матери. Между тем мы с Лестатом каждый вечер ужинали с его стариком, старательно звенели ножом и вилкой, слушали, как он уговаривает нас доесть все, что лежит на тарелках, и не пить слишком много вина. Десятки раз «жуткие головные боли» вынуждали меня принимать сестру в спальне, закутавшись в одеяло до самого подбородка, и умолять их с мужем терпеть полутьму, объясняя это невыносимыми резами в глазах от света. Я передавал им значительные суммы денег, чтобы они вкладывали их в соответствии с моими указаниями для нашей общей пользы. К счастью, ее муж оказался совершенно безобидным идиотом, чего и следовало ожидать от «продукта» четырех поколений браков между двоюродными братьями и сестрами.

Все шло более или менее хорошо, пока рабы не заподозрили неладное. Лестат, как я уже говорил, убивал направо и налево всех, кто ему нравился. По берегу ходили разговоры о таинственной смерти, унесшей жизни сотен людей. Но не эти слухи явились главной причиной волнений, начавшихся среди моих рабов. Вопреки всем нашим мерам предосторожности, им удалось кое-что подсмотреть и подслушать. В этом я убедился сам однажды вечером, когда играл в «тень» возле их хижин.

Но сначала я должен рассказать вам про этих людей подробнее. Описываемые мною события происходили в тысяча семьсот девяносто пятом году. Уже четыре года мы с Лестатом жили в Пон-дю-Лак относительно тихо и спокойно. Он приносил деньги, я вкладывал их в недвижимость – покупал новые земельные участки и дома в Новом Орлеане и сдавал их в аренду. А работы на плантации служили для нас скорее прикрытием, чем источником доходов. Я говорю «для нас», хотя это в корне неверно: я старательно избегал передавать что-либо в собственность Лестату. В то время рабы еще не стали такими, какими вы знаете их по книгам и фильмам о южных штатах. Это были вовсе не подобострастные темнокожие в грязных серых лохмотьях, говорящие на искаженном английском. Это были настоящие африканцы или островитяне, некоторые приехали из Санто-Доминго. Их кожа была чернее ночи. Чужеземцы, они говорили на языках африканских племен, на французских диалектах. За полевой работой они пели свои странные песни, и все вокруг казалось тогда экзотическим, незнакомым. В прошлой, смертной жизни это пугало меня. Они были суеверны, чтити свои поверья и традиции. Рабство стало их проклятием, но оно еще не успело стереть национальные черты и отличия, не сделало их безликими, похожими один на другого. Они терпели баптизм и европейскую одежду, навязанные им французскими католическими законами, но по вечерам шили из дешевых тканей яркие и соблазнительные костюмы и мастерили украшения из костей животных и ненужных кусочков металла, отполированных до золотого блеска. И поселок рабов в Пон-дю-Лак после наступления темноты превращался, по сути, в совершенно чужую для белого человека страну, маленькую Африку, и даже самый хладнокровный надсмотрщик не стал бы прогуливаться там без особой нужды. Впрочем, к вампирам это, естественно, не относилось.

Однажды теплым вечером, играя в «тень» у открытой двери дома раба, выполнявшего обязанности надсмотрщика, я подслушал разговор и понял, что мне и Лестату угрожает опасность: рабы уже точно знали, что мы не обычные люди. Девушки-служанки полушепотом рассказывали, как через дверную щель они видели нас за обеденным столом с пустыми тарелками и стаканами, с улыбками на неестественно бледных лицах, рядом с беззащитным слепым

стариком, который целиком в нашей власти. Через замочную скважину им удалось разглядеть гроб Лестата, и однажды он больно укусил одну из них за праздное шатание под окнами его комнаты. «Там нет кровати, – шептала она под дружные кивки остальных. – Он спит в гробу, я видела это собственными глазами».

Что же касается меня, то они подсматривали, как я каждый вечер выхожу из часовни, которая тогда уже мало чем отличалась от бесформенной груды кирпича в зарослях винограда, глицинии и шиповника. Никогда не открывавшиеся ставни поросли мхом, а под сводами потолка качались пауки. Конечно, я притворялся, будто хожу туда предаваться воспоминаниям о Поле, но из их слов я понял, что они больше не верят подобным отговоркам. У них не оставалось сомнений насчет того, кто мы такие. Они считали нас виновными не только в смерти многих рабов, коров и лошадей, чьи трупы находили часто среди полей и болот, но и во всех других страшных происшествиях. Даже наводнения и ураганы представлялись им оружием Бога, направленным против Луи и Лестата. Хуже всего было то, что они вовсе не собирались спастись бегством. Они решили, что мы демоны, слуги дьявола, от которых невозможно укрыться, и видели единственный выход в нашей смерти. Последним ударом для меня оказалось то, что там были рабы с плантации Френьеров.

Это означало, что новости неминуемо разойдутся по всему берегу. Я верил, что местные жители не поддадутся панике и не попытаются расправиться с нами в припадке истерии, но дело могло обернуться иначе, и у меня не было ни малейшего желания рисковать. Я поспешил домой сообщить Лестату, что игра в плантаторов закончена и нам придется навсегда распрощаться с Пон-дю-Лак и переехать в город.

Как вы понимаете, ему такой оборот событий совершенно не понравился. Его отец тяжело болел, дни старика были сочтены. Да и вообще, он не собирался бежать от каких-то там жалких рабов.

«Я прикончу их всех, – холодно заявил он, – по три-четыре человека за ночь – на это не уйдет много времени. Остальные сбегут сами, и все обойдется».

«Ты сошел с ума, – ответил я. – В конце концов, я требую, чтобы ты убрался отсюда».

«Ты требуешь, чтобы я убрался! Ты! – Лес-тат ухмыльнулся. Он распечатал колоду красивых французских карт и строил из них замок на столе в гостиной. – Ты жалкий трусливый вампир, ты рыскаешь по ночным аллеям в поисках крыс и кошек, часами пялишься на пламя свечи, точно на икону, бродишь, как лунатик, под проливным дождем, воняешь, как древний сундук с ветхим тряпьем. Ты заслужил почетное место в зоопарке в одной клетке с шимпанзе и орангутанами».

«Побереги свое красноречие для другого случая, – сказал я. – Достаточно того, что твоя глупость и жадность навлекли опасность на нас обоих. Если б не ты, я мог бы спокойно жить в часовне, и пускай бы дом превратился в груды развалин. Мне плевать на него! – Я нисколько не покривил душой. – Но хотел бы я посмотреть, как ты проживешь без роскоши, которая тебе раньше и не снилась. Ты превратил бессмертие в кучу хлама, и, восседая на ней, мы и впрямь выглядим полными идиотами. Но довольно споров. Сходи проведай отца, посмотри, в каком он состоянии и сколько еще продержится. Ровно столько, и ни днем больше, я разрешаю тебе оставаться здесь, и только при условии, что рабы не попытаются напасть на нас!»

Он сказал, что, если мне этого хочется, я сам могу проведать старика, ведь именно мне так подходит роль созерцателя. Я не стал с ним препираться и пошел. С первого же взгляда я понял, что старик умирает, и мне стало не по себе. Я более или менее легко перенес смерть матери, благо это случилось днем: ее нашли сидящей рядом с коробкой для шитья во дворе. Казалось, она не умерла, а уснула. Теперь же мне пришлось наблюдать медленную агонию умирающего человека в полном сознании. Я искренне полюбил старика – он был добрый, простой и нетребовательный. Днем он слушал пение птиц в саду или дремал в кресле на галерее, согретый лучами теплого солнца Луизианы. По вечерам он ужинал с нами, с радостью принимал участие в разговоре, о чем бы ни заходила речь. Его любимым развлечением были шахматы. Лестат, правда, никогда не играл с ним, зато я – довольно часто. Я помню, как он аккуратно ощупывал каждую фигуру перед ходом; точность, с которой он умудрялся запоминать позицию на доске, меня поражала. В тот вечер, когда я вошел в спальню, он лежал и задыхался. Лоб у него был мокрый, горячий, на простынях темнели пятна пота. Он громко стонал и молил Бога послать ему смерть. Я стоял на пороге и смотрел на него, и вдруг из соседней комнаты донеслись звуки музыки. Я оглянулся и увидел Лестата за спинетом. Я подлетел к нему, в ярости, с силой захлопнул крышку, едва не прищемив ему пальцы.

«Ты не будешь играть, когда твой отец умирает!» – закричал я.

«Черта с два! – ответил он. – Если захочу, буду играть на барабане!» Он вытащил из серванта серебряное блюдо и принялся колотить по нему ложкой.

Я просил его прекратить, мне пришлось даже применить силу. Мы снова начали препираться, но вдруг замолчали, услышав жалобный голос старика. Он звал сына. Он хотел поговорить с Лестатом, прежде чем умрет. Я сказал Лестату, что надо выполнить эту, возможно последнюю, просьбу отца, но услышал в ответ: «Даже не подумаю! С какой стати? Я и так слишком долго заботился о нем. С меня хватит». Отведя таким образом душу, он достал из кармана маленькую пилочку для ногтей, уселся на кровати в ногах у старика и занялся своими длинными острыми ногтями.

Между тем у меня вдруг появилось отчетливое чувство, что вокруг дома собрались рабы. Через секунду я уже не сомневался: они окружили здание со всех сторон, тихо переговаривались друг с другом, заглядывали в окна и прислушивались. Ранее несколько раз мне приходилось сталкиваться со странным и недоверчивым отношением некоторых чернокожих, но впервые их собралось так много и они выступали столь открыто. Не придумав ничего лучше, я позвонил в колокольчик. Я решил вызвать Даниэля – раба, выполнявшего обязанности надсмотрщика. Он жил в коттедже неподалеку от дома. В ожидании его прихода я ходил по комнате и слушал разговор отца и сына в спальне. Лестат, скрестив ноги, сидел на прежнем месте и как ни в чем не бывало продолжал заниматься ногтями.

«Все из-за школы, – слабым голосом сказал старик. – Я знаю, что ты ничего не забыл и не простил... Что я могу сказать в свое оправдание?» – в отчаянии простонал он.

«Скажи хоть что-нибудь, и побыстрей, – отвечал Лестат. – Ты же вот-вот помрешь. – При этих словах старик издал ужасный булькающий звук. Лестат вел себя отвратительно, и мне захотелось выкинуть его из комнаты. – Разве ты сам не знаешь, что скоро протянешь ноги? Даже дурак вроде тебя должен чувствовать подобные вещи».

«Ты никогда не простишь меня? Даже сейчас, даже после того, как я умру?»

«Перестань молотить чепуху! Я не понимаю, о чем ты говоришь».

Мое терпение кончилось, а старик волновался все больше и больше. Он умолял Лестата смягчить сердце и сжалиться над ним. Я содрогался, слушая их беседу. Внезапно на пороге гостиной возник Даниэль. Едва взглянув на него, я понял, что для нас в Пон-дю-Лак все кончено. Будь я хоть чуть-чуть повнимательнее, наверняка мне удалось бы заметить признаки надвигающейся опасности намного раньше. Даниэль уставился на меня стеклянными глазами, словно перед ним стояло страшное чудовище. «Отец месье Лестата тяжело болен, – сказал я, не обращая внимания на его испуганный вид, – поэтому сегодня ночью все должно быть тихо и спокойно. Рабам следует вернуться в свои хижины и не выходить до утра. Скоро приедет доктор!» Он смотрел на меня, не веря ни единому слову, и затем перевел взгляд, холодный и любопытный, на отворенную дверь спальни старика. Его лицо так сильно изменилось, что я, встав с кресла, заглянул туда. Лестат, сгорбившись, все еще сидел на постели отца, яростно водил пилочкой по ногтям и корчил отвратительные гримасы, обнажая ужасные, выступающие вперед зубы.

* * *

Вампир остановился. Его плечи тряслись от беззвучного смеха. Он смотрел на юношу, а тот смущенно опустил взгляд. Пока вампир говорил, он, не отрываясь, смотрел ему в рот, но видел только мягкие, тонко очерченные губы, отличающиеся от обычных человеческих неестественной белизной. Лишь мельком ему удалось разглядеть зубы ослепительно-жемчужного цвета, и мысль о том, ка-кие они на самом деле, раньше не приходила ему в голову.

– Я думаю, вы догадались, что было потом, – сказал вампир. – Мне пришлось убить Даниэля.

– Что? – спросил юноша.

– Мне пришлось убить его, – повторил вампир. – Если б я позволил ему уйти, он поднял бы на ноги всю округу. Возможно, я смог бы обойтись без кровопролития, но времени оставалось в обрез. Он повернулся и выбежал из комнаты. Я бросился следом и, тотчас настигнув его, потянулся было зубами к горлу, но в следующее мгновение вдруг осознал, что делаю то, чего не позволял себе на протяжении четырех лет, – и остановился. Передо мной стоял человек, готовый

защищаться. В руке он сжимал нож. Стряхнув оцепенение, я с легкостью вырвал оружие из его пальцев и, не раздумывая, всадил нож в сердце раба. Он рухнул на колени, истекая кровью и хватаясь за рукоятку, торчащую из груди. Вид и запах крови привели меня в такое исступление, что я, громко застонав от возбуждения, склонился над умирающим Даниэлем. Я хотел утолить проснувшуюся во мне дикую жажду. Но мне не удалось добраться до раны, потому что в тот же самый миг в зеркале на серванте я увидел фигуру Лестата за моей спиной.

«Ну и зачем тебе это понадобилось? – поинтересовался он. Я повернулся к нему. Я не хотел, чтобы он застал меня в минуту слабости. – Старик бредит, – продолжал он, – невозможно понять, о чем он говорит».

«Рабы все знают... выйди на улицу, посмотри, что они там делают, – запинаясь, пробормотал я. – Я позабочусь о твоём отце».

«Убей его», – сказал Лестат.

«Ты сошел с ума! – воскликнул я. – Он твой отец!»

«Я без тебя знаю, что он мой отец! – ответил Лестат. – Потому-то я и прошу тебя. Я не могу сам сделать это! Если б я мог, он был бы мертв уже давным-давно, черт его побери! Мы должны выбраться отсюда. Посмотри, что ты наделал. Через четверть часа появится рыдающая жена этого парня... если, конечно, она не пришлет вместо себя кого-нибудь похуже! Нам нельзя терять ни минуты».

Вампир вздохнул.

– Я понимал, что Лестат прав. Я слышал, что рабы собираются возле коттеджа Даниэля, ждут его возвращения. Он осмелился в одиночку зайти в проклятый дом и не вернулся. Охваченная паникой толпа рабов могла стать неуправляемой. Я попросил Лестата успокоить их силой и властью белого господина, но постараться не встревожить их и не испугать. Я пошел в спальню и закрыл за собой дверь. И пережил еще одно страшное потрясение. Я увидел отца Лестата.

Он сидел на кровати, наклонясь вперед, и разговаривал с сыном, умолял ответить ему. Он говорил, что лучше его самого понимает глубину и горечь разочарования, пережитого Лестатом. Он походил на живой труп, и только

отчаянный порыв воли поддерживал жизнь в этом слабом теле. Лихорадочно блестящие глаза глубоко ввалились в глазницы, губы дрожали, и желтоватый рот представлял собой ужасное зрелище. Я присел на кровать, глядя на него с болью, и протянул ему руку. Невозможно передать, насколько его вид потряс меня. Когда убиваешь, все происходит очень быстро и почти незаметно для самой жертвы. Но теперь я видел перед собой медленное угасание жизни в теле, изможденном, но все еще отказывающемся сдаться вампиру, годами сосавшему из него соки, имя которому – время.

«Лестат, – сказал он, – не будь жесток ко мне, хотя бы один раз в жизни. Стань на мгновение тем мальчиком, которым ты был когда-то. Сын мой, – повторял он вновь и вновь. – Сын мой, сын мой». Он пробормотал что-то, чего я не разобрал, кажется о поруганной невинности. Но я заметил, что он вовсе не бредит, наоборот, находится в исключительно ясном сознании. Бремя прошлого навалилось на него неподъемной тяжестью, а настоящее не могло дать ему облегчения. Потому что это была смерть, и с ней он отчаянно боролся. Я знал, что могу помочь ему, если постараюсь. Я наклонился вперед и тихо прошептал: «Я здесь, отец». Мой голос мало походил на голос Лестата, но он тут же успокоился, и мне даже показалось, что его мучения вот-вот прекратятся. Но вдруг он вцепился в мою руку, как тонущий хватается за соломинку, и судорожно заговорил о каком-то деревенском учителе (имени я не расслышал), что он считал Лестата блестящим учеником и уговаривал отдать его в монастырскую школу. Он проклинал себя за то, что отказался, забрал Лестата домой и сжег его книги. «Ты должен простить меня, Лестат», – плакал он.

Я крепко сжал его руку в своей, надеясь, что это может сойти за ответ, но он повторил: «У тебя есть все, что душа пожелает, но ты холоден и груб, как я в те годы, когда наша жизнь состояла из голода, холода и каторжного труда! Лестат, вспомни, ты был лучшим из всех! Бог простит мне, если ты простишь».

В этот момент подлинный Исав появился в дверях. Я жестом попросил его молчать; но он не обратил внимания, и мне пришлось вскочить с постели, чтобы старик, услышав его голос, доносящийся издали, не заподозрил неладное. Лестат сказал, что, завидев его, рабы разбежались.

«Убей его, Луи! – Впервые я услышал мольбу в его голосе. Он в ярости закричал зубами. – Ну же!»

«Подойди и скажи, что прощаешь ему все, даже то, что он забрал тебя из школы!» – ответил я ему.

«Зачем, – прошептал Лестат с гримасой, сделавшей его лицо похожим на череп, – забрал меня из школы! – Он воздел руки к небу и прорычал: – Проклятье! Убей его!»

«Нет, – повторил я. – Либо ты простишь его, либо убьешь сам. Выбери!».

Старик умолял нас объяснить, в чем причина нашего спора.

«Сын мой, сын мой», – кричал он, и Лестат начал приплясывать на месте, словно сумасшедший.

Я выглянул на улицу из-за занавесок. Рабы окружили дом. Цепь медленно, но неотвратно приближалась.

«Ты был Иосифом среди своих братьев, – говорил отец Лестату, – ты был лучшим. Но откуда я мог знать? Я понял это, только когда ты ушел из дома, долгие годы я не видел от них ни заботы, ни утешения. Ты вернулся и забрал меня с нашей фермы, но ты изменился. Это был уже не ты. Не тот мальчик, которого я знал».

Я схватил Лестата за рукав и силой доволоч до кровати. Никогда я не видел его таким слабым и одновременно разъяренным до последней степени. Вырвавшись из моих рук, он склонился над подушкой и глядел на меня с ненавистью. Я непреклонно произнес еще раз: «Прости его!»

«Все в порядке, отец, спи спокойно. Я не держу на тебя зла», – сказал он высоким, натянутым голосом.

Старик повернулся на подушке, что-то тихо сказал с облегчением, но Лестат уже встал. Остановившись в дверях, он сжал голову руками и громко прошептал: «Они идут! – Потом обернулся ко мне. – Прикончи его. Ради бога!»

Бедный старик не понял, что произошло, и даже не пошевелился. Я только прокусил ему горло и оставил рану открытой: я не хотел утолять свою темную страсть за счет его смерти. Невыносимо было даже думать об этом. Не важно,

что тело найдут в таком виде. Я был уже сыт по горло и домом, и Лестатом, и ролью преуспевающего плантатора. Я решил сжечь дом. У меня было много другой собственности, которой я владел под разными именами и держал про запас.

Лестат отправился навстречу рабам. Без присмотра он мог устроить такую бойню, что потом вряд ли отыскался бы хоть один живой свидетель той ночи. Я решил последовать за ним. Прежде жестокость Лестата казалась мне непостижимой, а теперь я сам обнажил клыки на этих людей. Едва завидев меня, они убегали, неуклюжие, охваченные страхом смерти, в животном безумии. Сила вампира безгранична, и скоро мы с Лестатом остались одни. И тогда я взял факел, вернулся в дом и поджег его.

Лестат бросился ко мне.

«Что ты делаешь! – кричал он. – Ты сошел с ума!» Но огонь уже охватил стены и пол, и остановить его было невозможно. «Они же сбежали. Ты сам, своими руками уничтожил такое богатство!» Он бегал кругами по любезной его сердцу гостиной, все еще не веря, что хрупкое великолепие вскоре исчезнет навсегда.

«Вытаскивай гроб, до рассвета осталось всего три часа», – сказал я ему.

Дом превращался в погребальный костер.

– Огонь мог повредить вам? – спросил юноша.

– Еще бы, – ответил вампир.

– Вы укрылись в часовне? Там было безопасно?

– Нет. Около полусотни рабов разбежались по всей округе. Многие не хотели оказаться в положении беглых и поспешили к Френьерам и на плантацию Бель-Жарден, вниз по реке. Мне совершенно не улыбалось оставаться в Пон-дю-Лак. А ехать куда-то уже не было времени.

– Бабетта! – вдруг осенило юношу.

Вампир улыбнулся:

– Да, я пошел к Бабетте. Она по-прежнему жила на плантации вместе с молодым мужем. Я погрузил гроб на повозку и отправился к ней.

– А Лестат?

Вампир вздохнул:

– Он пошел со мной. Он пытался убедить меня поехать с ним в Новый Орлеан, но я сказал, что собираюсь укрыться у Френьеров, и он согласился с моим выбором. Мы могли не успеть добраться до города: уже начинало светать, хотя для обычных человеческих глаз все вокруг по-прежнему скрывала непроглядная тьма.

Я однажды навещал Бабетту уже после гибели ее брата. Я говорил вам, что она вызвала бурю возмущения и негодования среди близких и дальних соседей тем, что не уехала и осталась на плантации не только без мужчины, но даже и без старшей женщины в доме. Ей приходилось содержать дела в порядке, чтобы противостоять общественному ostracismu. Само по себе богатство ничего не значило для нее. Семья, продолжение рода... вот что ее заботило. Она научилась управлять плантацией, но такая жизнь угнетала ее, и внутренне она почти сдалась. Однажды вечером в саду я подошел к ней. Не позволяя, как и в первый раз, разглядеть меня, я заставил свой голос звучать как можно более нежно и убедительно, напомнил о своем прошлом визите и сказал, что знаю обо всех ее бедах и печалях. «Не рассчитывай встретить сочувствие у людей, – сказал я. – Они глупы. Нет ничего удивительного, что, по их мнению, ты должна отказаться от плантации после смерти брата. Распоряжаться чужой судьбой очень легко. Надо бросить им вызов, достойно и с верой в свою правоту». Она слушала меня, не проронив ни единого слова. Я посоветовал ей устроить большой бал в Новом Орлеане под каким-нибудь благовидным, лучше всего религиозным, предлогом. Ей наверняка не составило бы труда договориться с одним из женских монастырей насчет проведения благотворительного вечера. В качестве компаньонов пригласить друзей ее покойной матери, а самое главное – делать все с абсолютной уверенностью. Уверенность и достоинство – вот залог ее успеха.

Бабетта сочла идею гениальной.

«Я не знаю, кто вы такой, да и вряд ли вы скажете, – обратилась она ко мне (я и впрямь не собирался открываться перед ней), – но я думаю, что вы ангел, посланный мне Господом». И она принялась умолять меня показать лицо. Я сказал «умолять», хотя это слово вряд ли подходит Бабетте. Она никогда никого ни о чем не просила. Дело даже не в гордости, просто мольбы сильных и честных людей в большинстве случаев похожи скорее на... Но я вижу, вы хотите что-то спросить. – Вампир прервал свой рассказ.

– Нет-нет, – смутился молодой человек.

– Спрашивайте, не стесняйтесь. Если бы я хотел скрыть от вас что-то... – Лицо вампира на мгновение потемнело. Он нахмурился, и над левой бровью обозначилась маленькая ямочка, похожая на отпечаток пальца на сырой глине. Странное выражение глубокого страдания исказило его тонкие черты. – Если бы я хотел что-то скрыть от вас, – повторил он, – то не стал бы упоминать об этом вовсе.

Юноша заворуженно смотрел в его глаза, на тонкие лучи ресниц, нежную кожу век.

– Спрашивайте, – повторил вампир.

– Вы так говорили про Бабетту, что мне показалось, будто у вас к ней особое чувство.

– Вы думаете, я на это не способен?

– Да нет, наоборот. Взять, например, того же отца Лестата: вы оставались рядом с ним, хотя сами подвергались серьезной опасности. Вам было жаль молодого Френьера, когда Лестат собирался убить его... все это вы объяснили. Но меня волнует другое... Было ли ваше чувство к Бабетте большим, чем просто жалость и сострадание?

– Вы имеете в виду любовь, – сказал вампир. – Почему не назвать вещи своими именами?

– Потому что вы говорили об отчуждении вампиров от обычных людей.

– Разве нельзя сказать того же об ангелах?

Юноша на секунду задумался.

– Да, – ответил он.

– Но разве ангелы не могут любить? Разве они не взирают на лик Божий с беспредельной любовью?

– Любовью или поклонением?

– А это не одно и то же? – задумчиво протянул Луи. – В чем же разница? – Не для юноши был этот вопрос. Луи обращался к себе самому. – Ангелы знают любовь и гордость... гордыню падения... и ненависть. Чувства существ, отрешенных от мира, сильны и огромны и слиты воедино с волей. – Он не отрываясь смотрел на стол, словно обдумывая заново ответ, и не мог найти верных слов. – Да, это было глубокое чувство. Но не самое сильное в моей жизни. – Он поднял глаза на юношу. – Бабетта была для меня в своем роде идеальным человеческим существом.

Вампир повернулся и посмотрел в окно, складки его плаща мягко пошевелились. Юноша наклонился, проверил ленту, вытащил из портфеля другую кассету, извинился перед собеседником за задержку и вставил ее в диктофон.

– Наверное, мой вопрос слишком личный.

– Ничего подобного. – Вампир резко повернулся к нему. – Это был верный вопрос. Да, я знаю любовь, и я по-своему любил Бабетту. Но это не была главная любовь моей жизни. Она была предтечей.

Но вернемся к моему рассказу. Благотворительный бал Бабетты прошел успешно, и ее возвращение в общество состоялось. Большой капитал стер последние сомнения в умах родителей и поклонников, и вскоре она вышла замуж. Летними вечерами я часто навещал ее, ничем не выдавая своего присутствия, и ее счастье делало счастливым и меня самого.

А теперь я привел к ней Лестата. Он бы дав-но уже убил всех Френьеров, если бы я не мешал, и сейчас он решил, что наконец-то пробил его час и что я заодно с ним. «Какая польза нам от их смерти? – Я хотел его сразу разуверить. – Ты зовешь меня идиотом, а сам ведешь себя как последний дурак. Ты думаешь, я не знаю, зачем ты превратил меня в вампира? Ты не смог бы прожить без меня, не справился бы с самой простой проблемой. Годами я делал за тебя все, а ты бил баклуши с чувством самодовольного превосходства. Ты рассказал мне все, что знаешь, и у меня теперь нет ни малейшей надобности в тебе. Наоборот, это я тебе нужен. Так вот, если ты дотронешься хотя бы до одного из Френьеров, я тут же избавлюсь от тебя. Между нами начнется война, и вряд ли стоит объяснять, что в одном мизинце у меня больше здравого смысла, чем у тебя в голове. Так что смотри сам».

Странно, но мои слова его напугали. Он, естественно, стал говорить, что ему известно многое, о чем я еще не знаю: о разных опасностях, подстерегающих вампиров, о каких-то особых типах людей, убийство которых может оказаться губельным для меня самого, о местах на земном шаре, куда мне не следует попадать по той же причине, и прочую чепуху, вызывавшую у меня едва переносимое раздражение. Впрочем, на этот раз за недостатком времени я не обращал на него особого внимания. Приблизившись к плантации Френьеров, мы увидели свет в доме надсмотрщика. Он пытался успокоить рабов, убежавших с Пон-дю-Лак, и своих собственных. Отблески пожара все еще виднелись на фоне темного неба. Бабетта, полностью одетая и очень деловитая, отправляла повозки с людьми и инструментами на помощь в борьбе с огнем. Испуганных рабов с моей плантации собрали в отдельную группу, и никто тогда еще не верил их рассказам о случившемся. Бабетта знала, что произошло нечто ужасное, и подозревала убийство, но не допускала даже мысли о сверхъестественном. Отдав необходимые распоряжения, она ушла в кабинет – занести запись о пожаре в дневник. Там я и нашел ее. Уже почти рассвело. У меня оставалось в запасе всего несколько минут, чтобы убедить ее помочь нам. Я заговорил, стоя за ее спиной, и запретил ей оборачиваться. Она подчинилась, спокойно выслушала меня. Я объяснил, что мне нужна комната, чтобы передохнуть.

«Я приходил к тебе раньше и ни разу не причинил тебе зла. Все, чего я прошу, – ключ и обещание, что никто не попытается войти в комнату до полуночи. Завтра вечером я расскажу тебе все». Я был на грани отчаяния: небо на востоке уже начинало светлеть. Лестат стоял с гробами в саду неподалеку от дома.

«Почему вы пришли именно ко мне?» – спросила она.

«А к кому же? – отозвался я. – Разве не я протягивал тебе руку, когда ты больше всего нуждалась в помощи, окруженная слабыми и беззащитными людьми, судьба которых целиком зависела от тебя? Разве не я дважды давал тебе верный совет и потом с радостью следил за твоей счастливой и спокойной жизнью? – Через окно я видел, что Лестата уже охватывает паника. – Дай мне ключ от любой комнаты. И пусть никто не подходит к ней до заката. Я клянусь, тебе не придется пожалеть о сделанном».

«А что, если я откажусь... вдруг вас послал дьявол?» Она собиралась обернуться.

Я протянул руку и потушил свечу. Она видела мой силуэт на фоне сереющих окон.

«Если ты не поможешь мне, если ты думаешь, что я слуга Сатаны, я умру, – ответил я. – Молю тебя, дай ключ. Я мог бы убить тебя прямо сейчас, понимаешь? – Я шагнул к ней, решившись в отчаянии показать свое лицо. Она отпрянула и схватилась за ручку кресла, судорожно глотая воздух. – Не бойся. Уж лучше я умру, чем подниму на тебя руку. Умру, если ты не дашь ключ».

Она согласилась. Уж не знаю, что она подумала, но она дала мне ключ от одного из винных подвалов. Я не сомневался, что она видела, как мы с Лестатом затаскивали туда гробы. Оказавшись в безопасности, по крайней мере временной, я запер дверь и забаррикадировал ее изнутри. На следующий вечер, когда я проснулся, Лестат уже был на ногах.

– Значит, она сдержала слово?

– Более того. Она не только не пыталась открыть дверь, но даже еще раз закрыла ее на ключ снаружи.

– Но она же наверняка слышала рассказы рабов.

– Конечно. Лестат первым обнаружил, что дверь заперта с обратной стороны, и пришел в дикую ярость. Он хотел как можно скорее попасть в Новый Орлеан. Он стал подозревать меня.

«Я терпел тебя только из-за отца, – говорил он, тщетно пытаюсь найти выход из запертой клетки. – Учти, теперь я тебе больше не верю».

Он явно меня боялся, даже перестал поворачиваться ко мне спиной, стал угрожать мне и понес уже совершенный вздор. Я сидел, прислушивался к голосам в комнатах над нами и думал, когда же он наконец заткнется. Я вовсе не собирался поверять ему свои чувства к Бабетте и свои надежды на нее.

Но не только об этом я думал. Вы спрашивали, как можно любить кого-то, будучи отчужденным от всего земного. Дело в том, что вампир может думать о нескольких вещах одновременно. Например, о том, что ты в опасности и, возможно, скоро погибнешь, и в то же самое время о чем-то совершенно абстрактном и отвлеченном от действительности. Так было со мной тогда. В глубине души, не облеченная в слова, во мне жила мысль о том, какой прекрасной и возвышенной могла бы стать наша дружба с Лестатом, как мало препятствий стояло на пути к этому и как много нас объединяло. Наверное, любовь к Бабетте навела меня на подобные размышления. Пропасть, разделявшую нас с ней, я мог преодолеть лишь одним способом – взять ее жизнь, слившись в последнем смертельном объятии, удовлетворить одновременно жажду любви и жажду крови. Но моя душа хотела познать Бабетту без убийства, не отнимая у нее ни минуты жизни, ни капли крови... Я хотел невозможного. Другое дело – Лестат, будь он хоть немного умнее и порядочнее. Я вспомнил предсмертные слова слепого старика: Лестат – блестящий ученик, влюбленный в книги, отобранные у него и сожженные. Сам я знал только того Лестата, который называл мою библиотеку «грудой пыли» и высмеивал мою страсть к чтению и глубоким размышлениям.

Шум в доме начал стихать. Потом все смолкло, и лишь иногда слышались звуки шагов и скрип половиц. Слабый, неровный свет пробивался сквозь щели в потолке. Лестат ощупывал кирпичные стены с чисто человеческим выражением безысходности и отчаяния на лице. Я понял, что, выбравшись отсюда, мы должны распрощаться друг с другом. Ради этого даже согласился бы переплыть океан. Понял, что мирился с ним только потому, что мне не хватало уверенности в собственных силах. Обманывал себя, что иду на жертвы только во имя спокойной жизни его старика и моей сестры с мужем. На самом же деле я оставался с Лестатом потому, что мне казалось, что он посвящен в тайны, без знания которых вампиру обойтись нельзя, и без него я ничего не узнаю. Но главное, он был единственный, кого я знал из себе подобных. Он никогда не рассказывал мне, как произошло его обращение или где найти других вампиров.

Это все еще волновало меня. Я ненавижу Лестата и хотел расстаться с ним, но кто знает, готов ли я остаться один?

Я сидел и думал, а Лестат гнул свое: я, мол, ему больше не нужен и он не потерпит таких выходов, в особенности дерзких шуток каких-то Френьеров. По его словам, надо быть готовым ко всему, когда отпрут дверь.

«Помни! – говорил он. – Сила и быстрота – вот против чего им не удастся устоять. Ну и разумеется, страх. Главное – вселить ужас во врагов. Забудь свою сентиментальность! Она может слишком дорого нам обойтись».

«Ты хочешь, чтоб мы разошлись?» – спросил я. Я надеялся, что он скажет «да», потому что боялся сам принимать решения. Точнее говоря, я еще не разобрался в своих мыслях.

«Пока что я хочу добраться до Нового Орлеана! – ответил он. – Я просто предупреждаю, что могу обойтись без тебя. Но сейчас нам лучше держаться вместе. Ты еще не знаешь, что в твоей власти, ты даже не понял, кто ты есть на самом деле. Если эта женщина придет одна, действуй силой убеждения. Но если она приведет других, приготовься стать самим собой».

«Кто же я есть на самом деле? – спросил я. Никогда раньше эта загадка не мучила меня так сильно. – Что значит стать самим собой?»

Лицо Лестата выражало отвращение. Он вскинул руки.

«Приготовься... – оскалился он, демонстрируя чудовищные зубы, – стать убийцей! – Вдруг он поднял глаза вверх, прислушиваясь. – Они ложатся спать, слышишь?»

Наступило долгое молчание. Лестат расхаживал по погребу, а я думал, что скажу Бабетте. Я все еще старался разобраться в своих чувствах к ней. Вдруг из-под двери пробился луч света, и Лестат весь подобрался, готовясь прыгнуть на вошедшего, кто бы им ни был. Дверь отворилась, и вошла Бабетта. Она была одна. Лестат незаметно скользнул ей за спину. Она стояла и пристально смотрела на меня.

Никогда еще она не казалась мне такой красивой. Ее распущенные на ночь волосы темными волнами спадали на белое платье, лицо выражало тревогу и страх. Щеки ее горели, огромные карие глаза стали еще больше. Я уже говорил, что любил в ней честность и силу, величие ее души, но без чувственной страсти, которую на моем месте могли бы испытывать вы. Но все равно я считал ее самой очаровательной и соблазнительной женщиной из всех, кого я видел. Даже строгое, закрытое платье не могло скрыть мягкости и округлости ее рук и груди. Ее тело представлялось мне прекрасной и таинственной оболочкой загадочной души. Меня неудержимо влекло к ней, но я знал, что стоит поддаться минутной слабости – и ее смерть станет неизбежной. Я отвернулся, мучимый вопросом: а вдруг она увидела мертвое бездушие в моих глазах?

«Ты – тот, кто являлся ко мне прежде, – произнесла она наконец, словно не будучи в этом уверенной до этого. – Ты – хозяин Пон-дю-Лак! Ты!»

Я знал, что ей пришлось выслушать дикие и нелепые рассказы о событиях прошлой ночи и теперь бессмысленно ее переубеждать. Дважды используя свою внешность, чтобы получить возможность поговорить с ней, я не мог увилить или прятаться на этот раз.

«Я не сделаю тебе ничего дурного, – сказал я. – Дай мне только лошадей и экипаж. Мои остались в поле...»

Бабетта, казалось, даже не слышала моих слов. Она подошла поближе, чтобы поймать меня в круг света от фонаря в своей руке.

Я заметил, что Лестат подкрадывается к ней сзади. Их тени на стене слились; я знал, что сейчас он опасен.

«Ты дашь мне экипаж?» – повторил я.

Она молча смотрела на меня, подняв фонарь над головой. Я хотел опять отвернуться, но вдруг увидел, что ее лицо изменилось. Оно стало неподвижным, ничего не выражало, словно ее загипнотизировали. Потом она закрыла глаза и покачала головой. Мне почудилось, что это я одним своим взглядом, сам того не желая, сделал ее такой.

«Кто ты? – прошептала она. – Ты пришел от дьявола. Значит, и раньше тебя присылал ко мне дьявол!»

«Дьявол!» – повторил я вслед за ней. Ее слова ударили меня куда больнее, чем я мог предположить. Меня охватило глубокое отчаяние. Если она верит в то, что говорит, значит она сочтет мои прежние советы лживыми и негодными. Будущие сомнения могут разрушить ее богатую и счастливую жизнь. Значит, все мои усилия оказались напрасны. Как и все сильные люди, она страдала от одиночества и, несмотря ни на что, оставалась чужой для общества, как язычник среди христиан. Вот почему хрупкое равновесие в ее душе легко было нарушить. Ей стоило только начать сомневаться в правильности своего выбора. Она смотрела на меня с ужасом. Лестат схватил ее сзади за руку, и она, вскрикнув от неожиданности, уронила на пол фонарь. Пламя вспыхнуло и побежало по разбрызганному маслу, а он, не обращая внимания, потащил ее к раскрытой двери.

«Ты дашь нам экипаж и коней, сейчас же! – говорил он ей. – Пошевеливайся и перестань болтать о дьяволе – перед тобой смерть во плоти!»

Затоптав в спешке огонь, я бросился вслед за Лестатом. Я кричал, чтобы он отпустил девушку. Он держал Бабетту за обе руки, она яростно сопротивлялась.

«Ты поднимешь на ноги весь дом, если не заткнешься! – рявкнул он мне. – Я прикончу ее на месте! Нам нужен экипаж... веди нас. Ты сама будешь разговаривать с конюхом!» Он вытолкнул ее на улицу.

Мы медленно двигались по двору. Мое сердце разрывалось. Я шел сзади. Лестат вел перед собой Бабетту. Она силилась разглядеть что-то в кромешной тьме. Вдруг она заметила слабый огонек в окне наверху и остановилась.

«Вы не получите ничего!» – сказала она.

Я подошел к Лестату и прошептал, что устрою все сам.

«Она выдаст нас, если ты не позволишь мне поговорить с ней».

«Ладно, только поживей, – прошипел он с отвращением. – И не рассусоливай. У нас нет времени на болтовню».

«Ты пока иди к конюшне... и возьми все необходимое. Только, ради всего святого, никого не убивай!»

Я не знал, послушается он или нет, но, как только я шагнул к Бабетте, он исчез. На ее лице застыла ненависть и решимость.

Она сказала: «Изыди, Сатана!»

Я стоял перед ней молча и выдержал ее взгляд. Она ничем не выдала, что слышала слова Лестата. Ненависть в ее глазах обжигала меня, словно раскаленные угли.

«Зачем ты так говоришь? – спросил я. – Разве моя помощь повредила тебе? Что плохого я тебе сделал? Я приходил, чтобы помочь, когда твои силы были на исходе. Я думал только о тебе, мне самому ничего не было нужно».

Она покачала головой.

«А ты почему так говоришь со мной? Я знаю, что ты наделал в Пон-дю-Лак: ты превратил плантацию в сущий ад! Рассказы рабов полны ужаса! Весь день людей находили на дороге к твоему дому – мой муж сам ездил туда! Он видел своими глазами дом в руинах и трупы рабов повсюду – в саду и на полях! Это дело твоих рук! Почему же со мной ты разговариваешь так нежно и ласково? Что тебе нужно от меня?»

Она медленно отступала к лестнице, держась за колонну. Наверху в освещенном окне я заметил какое-то движение.

«Я не могу ответить на все вопросы сейчас, – сказал я. – Поверь, я никогда не желал тебе зла. Если б у меня оставался выбор, я ни за что не потревожил бы тебя прошлой ночью!»

* * *

Вампир замолчал.

Юноша сидел, подавшись вперед, широко раскрыв глаза. Луи смотрел куда-то вверх, погрузившись в свои мысли и воспоминания. Молодой человек вдруг опустил глаза, словно из вежливости. Потом поднял взгляд и опять отвел в сторону. На лицах обоих было написано глубокое страдание. Молодой человек собрался с духом и хотел было заговорить, но умолк, не произнеся и двух слов.

Луи изучающе посмотрел на него, тот вспыхнул и отвернулся, потом поднял голову и встретился с неподвижным взглядом вампира. Судорожно глотнул, но не отвел глаз.

– Ну как? – прошептал вампир. – Такую интересную историю вы хотели услышать?

Беззвучно отодвинув кресло, он подошел к окну. Юноша не шелохнулся, только смотрел на его широкие плечи и длинные складки плаща. Вампир, полуобернувшись, сказал:

– Вы не ответили. Вас интересует другое, не правда ли? Вы ведь пришли сюда взять у меня интервью для какой-нибудь программы на радио.

– Это не важно. Я выброшу кассеты, если захотите! – Молодой человек поднялся, заметно волнуясь. – Не стану утверждать, что понимаю все, о чем вы рассказываете. Это не так. Но то, что я понял... ни с чем не сравнимо.

Он нерешительно приблизился к вампиру. Тот, казалось, был целиком поглощен происходящим внизу, на улице, но потом медленно отвернулся от окна, поглядел на юношу и улыбнулся – безмятежно, почти ласково. Юноше вдруг стало не по себе. Он засунул руки в карманы и вернулся к столу. Потом, вопросительно глядя на вампира, сказал:

– Может быть, мы продолжим? Пожалуйста...

Вампир скрестил руки на груди и прислонился спиной к оконной раме.

– Зачем? – спросил он.

Юноша растерялся.

– Просто мне хочется узнать, что случилось потом. – Он пожал плечами.

– Ну ладно, так и быть, – согласился вампир все с той же улыбкой. Он подошел к своему креслу, уселся напротив и немного подвинул к себе диктофон. – Замечательное изобретение... Итак, я продолжаю. Вы должны понять: все, чего я хотел теперь от Бабетты, – просто общения. Это желание было сильнее всего, кроме, пожалуй, физической жажды... жажды крови. Я так хотел, чтобы она поняла меня и откликнулась, что в этот миг особенно глубоко почувствовал свое странное одиночество. Наши прежние встречи были коротки, но ясны, как простое рукопожатие. Взять ее за руку. И отпустить на свободу, только и всего. Протянуть руку помощи в минуту отчаяния. А теперь мы были по разные стороны баррикад. В глазах Бабетты я превратился в чудовище и не знал, как это исправить, хотя сделал бы все, что угодно. И тогда я сказал ей, что моя помощь пошла ей на пользу, а никакое деяние дьявола не может послужить добру, даже если он сам того хочет.

«Я знаю!» – ответила она, но этим хотела сказать, что теперь доверяет мне не больше, чем дьяволу.

Я попытался приблизиться к ней, но она отступила назад. Протянул руку, чтобы успокоить ее, но она сжалась, вцепившись в перила на крыльце.

«Ладно, – сказал я. Внутри у меня закипал ужасный гнев. – Зачем же ты дала мне убежище прошлой ночью? Почему сегодня ты пришла одна?»

Я заметил тень лукавства на ее лице: у нее была причина, но она не хотела открывать ее мне. Она уже не могла говорить со мной открыто и свободно. Напрасно я об этом мечтал. Вдруг меня охватила слабость. Давно перевалило за полночь, я слышал, что Лестат прокрался в винный погреб за гробами. Пора было уезжать, и пора было... напиться свежей крови.

Но не голод был причиной этой слабости. Хуже. Я вдруг увидел, что эта ночь только звено в цепи тысячи других ночей – бесконечной цепи, уходящей в невидимую даль; и путь мой пролегает сквозь вечную ночь, во тьме, под светом холодных и бездушных звезд. Слабость моя росла, а вместе с ней и тоска. Я невольно застонал. В огромной, безжизненной черной пустыне я стоял один.

Бабетта – только призрак. Мне словно открылась страшная правда, которой я раньше избегал, потому что смотрел на мир глазами вампира. Влюбленными глазами я видел цвета и формы; влюбленно слушал пение и тишину, все бесконечное многообразие мира... Бабетта шевельнулась, но я не обратил внимания. Потом она вытащила из кармана большую связку ключей и пошла вверх по ступенькам крыльца. Пусть уходит, подумал я. «Посланец дьявола! Изыди, Сатана!» – шепотом повторил я ее слова и повернулся взглянуть на нее. Она словно примерзла к ступенькам, в ее широко открытых глазах застыло подозрительное и недоверчивое выражение. Она сняла со стены фонарь и держала его крепко, словно мешок с золотом. «Значит, ты думаешь, что меня послал дьявол?»

Она быстро переложила фонарь в левую руку, а правой сотворила крестное знамение. Я разобрал латинские слова. Она побледнела, брови поползли вверх: она увидела, что ничего не произошло. «Ты, верно, ждала, что я превращусь в горстку пепла? – спросил я, потом медленно приблизился к крыльцу и с тем же чувством отчуждения от всего на свете продолжал: – Или что провалюсь прямоком в преисподнюю? К дьяволу, пославшему меня к тебе? – Я был уже возле лестницы. – А что, если скажу тебе, что не знаю о нем ровным счетом ничего, даже не знаю, есть ли он на самом деле или нет?!»

Стоя один в ночи, я словно видел лик дьявола, в нем была эта страшная правда, он – объяснение всему, что случилось со мной. Вот о чем я думал тогда, но она не расслышала меня. Она не слушала меня так, как слушаете вы. Я понял, что дальше говорить бесполезно, отвернулся от нее и посмотрел на звезды. Я знал, что у Лестата уже все готово и в темноте он ждет меня с экипажем. Снова посмотрел на Бабетту, и мне почудилось, что не она, а мой брат стоит на крыльце и тихим взволнованным голосом говорит что-то очень важное, но его слова затихают, не долетая до меня, как мышинный писк в огромном пустующем доме. Чиркнула спичка, и вспыхнул свет. «Я не знаю, кто прислал меня – дьявол или нет! Не знаю, кто я! – закричал я Бабетте, оглушая сам себя. – Мне суждено дожить до конца света в неведении!» Передо мной снова загорелся огонь, но уже не погас: Бабетта зажгла и подняла фонарь. Из-за яркого пламени я не мог разглядеть ее лица. На мгновение я ослеп, а потом почувствовал сильный удар в грудь, потерял равновесие и упал. Фонарь врезался в меня всей своей тяжестью, помноженной на силу броска, и осколки разбитого стекла рассыпались по каменным плиткам. Пламя обожгло мне руки и лицо. Из темноты донесся громкий крик Лестата: «Потуши его, сбей его с себя, идиот! Ты же погибнешь!» Через секунду он уже был рядом, хлопал меня курткой. Я лежал, прислонившись головой к колонне, обессиленный болью, но сильнее всего – тем, что Бабетта

хотела меня уничтожить, и непониманием, кто же я есть на самом деле.

То, что случилось дальше, заняло считанные секунды. Огонь погас, я поднялся на четвереньки, цепляясь руками за кирпичи. Лестат стоял уже на верхней ступеньке лестницы, и Бабетта была обречена. Я бросился наверх, схватил его за шею и оттащил от девушки. Разъяренный, он повернулся и пнул меня ногой, но я не отпускал его. Мы оба скатились к низу крыльца. Бабетта наблюдала за нами, даже не шелохнувшись. «Черт с ней, поехали!» – проворчал Лестат и с трудом поднялся на ноги. Напрягая полуослепшие глаза, я разглядел, что она держится за шею, по которой тонкой струйкой стекает кровь. «Запомни! – крикнул я, обращаясь к ней. – Я мог бы убить тебя или позволить ему сделать это! Напрасно ты назвала меня дьяволом».

– Вы успели остановить Лестата, – сказал юноша.

– Да, хотя он умел убивать подобно молнии. Но мне удалось спасти только телесную оболочку Бабетты, хотя об этом я узнал гораздо позже.

* * *

– Через полтора часа, чуть не загнав лошадей, мы с Лестатом были в Новом Орлеане. Мы остановились в маленьком переулке, не доезжая квартала до новой испанской гостиницы. Подозвав какого-то старика, Лестат взял его под локоть и сунул в руку пятьдесят долларов. «Закажи для нас номер и шампанское, – приказал Лестат. – Скажи, что тебя попросили два джентльмена и уплатили вперед. Вернешься – получишь еще столько же. Не вздумай удрать, я слежу за тобой». В этом не было никакой нужды: сам вид его горящих глаз загипнотизировал старика. Я не сомневался, что Лестат прикончит бедолагу, как только тот возвратится к нам с ключами от номера. Так и случилось. Я сидел в экипаже и устало смотрел, как тело человека ослабевает в руках Лестата. Наконец оно рухнуло на землю перед входом в гостиницу, точно мешок, набитый камнями. «Спокойной ночи, сиятельный принц, – ухмыльнулся Лестат. – Вот ваши деньги». Он засунул в карман старику банкноты. Собственная шутка пришлась ему по вкусу.

Мы проскользнули в дверь, ведущую во внутренний двор гостиницы, и поднялись по лестнице в роскошный номер. Шампанское уже охлаждалось в ведерке со льдом, рядом на серебряном подносе стояли два бокала. Лестат

наполнил бокал вином и долго смотрел на бледно-золотистую жидкость. Я лежал на кушетке и смотрел на него безразлично. Я думал, что должен покинуть его или умереть.

«Умереть – это так чудесно, – думал я. – Да, умереть. Я и раньше хотел смерти. И теперь хочу». Мысль о смерти наполнила мою душу такой чудной ясностью и таким покоем... Мертвым покоем.

«Ты плохо выглядишь! – вдруг сказал Лестат. – Почти рассвело». Он подошел к окну и отдернул занавески. Я увидел море крыш, над ними – темно-голубое небо и величественное созвездие Ориона. «Пора на охоту, не мешкай», – сказал Лестат, поднимая оконную раму. Он перешагнул через подоконник, и его подошвы тихо застучали по крыше соседнего дома. Он собирался найти гробы, по крайней мере один. Нестерпимая жажда мучила меня, подобно лихорадке. Я не выдержал и отправился следом за ним. Я все еще хотел умереть, мысль о смерти ни на минуту не покидала мой разум. Но тело просило свежей крови. Я уже говорил, что еще не убивал людей. Поэтому я побрел по крышам в поисках крыс.

– Но почему? Ведь вы говорили, что только начинать нельзя было с людей. Вы хотите сказать, что для вас это не был вопрос морали? Вы просто так чувствовали?

– Если бы вы спросили меня тогда, ответил бы утвердительно: да, я так чувствовал. Я хотел познавать смерть постепенно, шаг за шагом. Убийство животных дарило мне новые переживания, наслаждения. Я только начал входить во вкус. И решил, что пока не буду трогать людей. Хотел прийти к этому, вооруженный опытом и знаниями. Так я чувствовал тогда. Но по большому счету это был вопрос морали, нравственный выбор. Потому что на самом деле чувство, или, если хотите, эстетика, и мораль – это одно и то же.

– Я не понимаю, – сказал молодой человек. – Я всегда думал, что эстетическое чувство запросто может противоречить морали. вспомните Нерона – он смотрел, как пылает Рим, и наигрывал на арфе. Или такой распространенный случай: художник ради искусства бросает жену и детей.

– И оба они совершают нравственный выбор. С их точки зрения – с точки зрения творца, – они действуют во имя высшей цели. Не эстетические принципы

художника вступают в противоречие с общественной моралью, а нравственные. Непонимание этого часто приводит к трагедии, даже если поводом был пустяк. Художник украл краски из магазина. Он уверен, что совершил аморальный поступок и навсегда погубил свою бессмертную душу. Как будто нравственность души – это хрустальный шар, который можно разбить легким прикосновением. Он впадает в отчаяние и окончательно опускается. Но тогда я ничего об этом не знал. Думал, что убиваю животных, потому что мне так нравится. Старался избегать главного нравственного вопроса: почему на мне лежит эта печать проклятия?

Лестат никогда не говорил со мной о дьяволе или о преисподней, но, следуя за ним, я понимал, что проклят. Наверное, то же чувствовал Иуда, просовывая голову в петлю. Вы понимаете меня?

Юноша хотел ответить, но промолчал. И вдруг румянец вспыхнул на его щеках.

– Неужели это правда? – прошептал он. – Неужели он существует?

Вампир положил ногу на ногу.

– Всему свое время. Я буду рассказывать по порядку.

– Да, конечно.

– Той ночью я был страшно возбужден. Напрасно я старался отгородиться от этих мыслей. Они нахлынули на меня с необычайной силой, и мне не хотелось жить. Я подумал, что все равно скоро умру, и решил напиться свежей крови. Сделать себе последний подарок. С людьми ведь тоже так бывает. Но на самом деле я просто тянул время, потому что боялся умереть. И пошел на охоту. Я уже объяснил вам, что значит для вампира убийство, и вы должны понять, какая огромная разница между человеческой кровью и кровью крысы. Это все равно что небо и земля. Я спустился с крыши вслед за Лестатом и прошел несколько кварталов. Улицы тогда были грязные, и дома стояли, как островки, в окружении сточных канав. И было темно, не то что в современном городе. По вечерам огни фонарей походили на одинокие маяки. Даже при слабом свете забрезжившего утра из темноты проступали только балконы и окна мансард. Для простых смертных оказаться в этих узких улочках в позднее время было все равно что попасть в бочку с дегтем. Меня терзали все те же вопросы. Проклят ли я? Может,

и правда меня послал дьявол и я – его творение?

Но если так, то почему в душе я восставал против этого? Почему дрожал, когда Бабетта швырнула в меня горящий фонарь, и отворачивался с омерзением, не желая видеть, как Лестат совершает очередное убийство? Кто я такой? Куда ведет меня этот путь? Меня мучила невыносимая жажда. Жгучая боль пульсировала в венах, стучала в висках. Я понял, что больше не могу. Но не знал, как быть: то ли ничего не делать и умереть голодной смертью, то ли повиноваться безумному желанию убивать. Стоял посреди пустой заброшенной улицы и вдруг услышал детский плач.

Он доносился из соседнего дома. Я подобрался поближе и стал заглядывать в окна. В одном из них я увидел маленькую, измученную, страшно исхудавшую девочку. Должно быть, она плакала очень долго. Я просунул руку под тяжелый деревянный ставень и с трудом поднял его. В темной комнате девочка была одна рядом с трупом женщины. Та была мертва уже несколько дней. Всюду стояли дорожные узлы и сундуки, словно большая семья собиралась уехать. Мать девочки лежала полураздетая, тело уже начало разлагаться. Девочка увидела меня и торопливо заговорила, что я должен помочь им с матерью. На вид ей было не больше пяти лет – худая, лицо выпачкано грязью и залито слезами. Она умоляла не бросать их, объясняла, что они должны успеть сесть на корабль до того, как придет чума, и что отец уже давно их ждет. Горько и отчаянно рыдая, она принялась трясти мать, пытаюсь пробудить ее к жизни, затем снова взглянула на меня, и слезы потоком хлынули у нее из глаз.

Поймите, меня сжигала жажда свежей крови. Без крови я бы и дня не протянул. У меня был выбор: улицы кишели крысами, где-то неподалеку жалобно выла бездомная собака. Ничего не стоило выбраться из комнаты, быстро насытиться и вернуться назад. Но в моей голове тяжелым колоколом гудел вопрос: проклят ли я? Если да, то почему на ее исхудавшее личико я смотрю с такой жалостью? Почему меня непреодолимо тянет прикоснуться к маленьким слабым ручкам, взять ее на колени (что я и сделал), прижать крошечную головку к груди и гладить мягкие, шелковистые волосы? Зачем все это? Если я проклят, то должен убить ее, должен видеть перед собой только добычу. Если я проклят, то обречен ненавидеть ее.

Я вдруг снова увидел Бабетту, сжимающую фонарь с искаженным от ненависти лицом, потом презренное лицо Лестата и впервые почувствовал себя... действительно проклятым на веки вечные. И я наклонился к нежной шее и

впился в нее зубами. Почувствовал на губах вкус горячей, свежей крови, услышал тонкий вскрик и прошептал: «Не бойся, всего лишь миг – и твоя боль исчезнет навсегда». И так крепко прижал ее к своему жадному рту, что уже не мог произнести ни звука. Четыре года я не пробовал человеческой крови, и вот теперь, когда наконец отважился, снова услышал тот же безумный ритм, барабанный бой ее сердца. Сердца, принадлежащего не мужчине, не животному, но ребенку. Я сосал ее кровь, а оно билось все быстрее и быстрее, оно отказывалось сдаваться, словно маленький молоточек отчаянно стучал в дверь: «Я не умру, не умру, не могу умереть...» Я поднялся, все еще сжимая ее в объятиях. Мой собственный пульс учащался вместе с биением ее сердца. Комната качалась перед глазами, я захлебывался в бурном, слишком стремительном для меня потоке крови. Невольно я взглянул на ее беспомощно склоненную голову, на открытый рот, и дальше вниз, на лицо ее матери. И мне показалось, что уловил блеск глаз под слегка приподнятыми веками, словно в них еще теплилась жизнь! В ужасе я отбросил девочку на пол. Она осталась лежать неподвижно, как сломанная кукла. Я отвернулся, чтобы не видеть ни ее, ни ее матери, и хотел было бежать куда глаза глядят, но застыл на месте. В окне появилась знакомая фигура. Конечно же, это был Лестат. Он стоял на грязной мостовой и хохотал, согнувшись пополам, словно в диком танце. «Луи, Луи», – дразнил он меня и шутливо грозил длинным белым пальцем. Потом он быстро залез внутрь, отпихнул меня в сторону, схватил с постели смердящее тело и пустился плясать по комнате.

– Господи! – прошептал юноша.

– Да, на вашем месте я сказал бы то же самое. Спотыкаясь о ребенка и что-то напевая, он в неистовой пляске таскал труп за собой по всем углам. Спутанные волосы женщины разлетались в стороны, голова откинулась назад, и изо рта полилась черная, омерзительная жидкость. Только тогда он выпустил ее. Я не выдержал этого кошмара, выскочил через окно и побежал прочь от проклятого дома. Он бросился за мной. «Ты что, боишься меня, Луи? – кричал он. – Ты боишься? Девочка еще жива, она еще дышит. Давай вернемся и превратим ее в вампира. Она пригодится нам, Луи. Подумай, мы будем покупать ей нарядные платьица и чудесные игрушки! Луи, подожди, Луи! Скажи только слово, и я вернусь за ней!» Он бежал за мной всю дорогу – по улицам, а потом по крышам, где я надеялся отстать от него. Добравшись до нашей комнаты, я прыгнул внутрь, повернулся и в ярости захлопнул окно перед самым его носом. Он ударился о него с разбегу. С растопыренными руками Лестат походил на птицу, пытающуюся пролететь сквозь стекло. Он тряс раму, а я в иступлении бегал кругами по комнате и придумывал способ прикончить его. Я представлял

себе, как под солнечными лучами его тело сгорает и рассыпается в прах. Я обезумел. Он разбил окно и пролез в комнату. Между нами завязалась настоящая драка. Только мысль о преисподней остановила меня: мы, два существа, обреченные на вечные муки, сцепились сейчас в слепой ненависти друг к другу. Я растерялся, ослабил хватку и через минуту, поверженный, уже лежал на полу и смотрел на него. Лестат стоял надо мной, тяжело дыша, но взгляд его был холоден. «Ты дурак, Луи, – сказал он спокойно. Его хладнокровие отрезвило меня. – Уже восходит солнце». Щурясь, он посмотрел за окно. Прежде я не видел его таким. Он словно стал лучше – не знаю, драка тому причиной или что другое. «Полезай в гроб, – сказал он совершенно беззлобно, – а завтра ночью... мы поговорим».

Его слова поразили меня. Поговорим! Я не мог себе это представить. Мы никогда по-настоящему не разговаривали. Впрочем, кажется, я достаточно ясно описал вам наши бесконечные ссоры.

– Ему нужны были только ваши дома и деньги или он тоже боялся одиночества? – спросил юноша.

– Я и сам задавался этим вопросом. Мне даже иногда казалось, что Лестат хочет убить меня, но я не знал как. Я многого не знал. Например, почему каждый вечер я просыпаюсь в определенный час, а иногда чуть раньше – словно кто-то заводит во мне часы и пробуждает от мертвого сна. Этого Лестат мне не объяснил. Сам он часто просыпался раньше меня. В технических вопросах он меня превосходил. В то утро я захлопнул крышку гроба со страхом: а вдруг не проснусь? Вообще говоря, так бывало всегда. Это все равно что засыпать под наркозом перед операцией. Случайная ошибка хирурга – и ты уже никогда не проснешься.

– Но как же он мог вас убить? Разве что вывел бы на солнечный свет. Но тогда он и сам бы погиб.

– Вы правы. Но можно было поступить иначе. Проснувшись раньше меня, он мог бы заколотить мой гроб гвоздями. Или поджечь его. В том-то и дело: я не имел представления, на что он способен. А вдруг ему известно такое, чего я еще не знаю? Но делать было нечего. Солнце уже вставало, мысли о мертвой женщине и ребенке не давали мне покоя. Поэтому я не стал с ним спорить и улегся спать в предчувствии кошмарных снов.

– Вы видите сны! – изумился молодой человек.

– Довольно часто, – сказал вампир. – Чаше, чем хотелось бы. Долгие и очень отчетливые, а временами – чудовищные кошмары. До превращения я таких не видел. Поначалу они так захватывали меня, что я не хотел просыпаться; подолгу лежал в гробу и думал о том, что приснилось. Я пытался отыскать в них скрытый смысл, неуловимый, как и в снах людей. Например, мне снился брат, как будто он где-то рядом, но пребывает в странном состоянии между жизнью и смертью. Часто я видел Бабетту. И часто, да почти всегда все происходило на фоне безжизненной черной пустыни, той бесконечной ночи, которую я увидел, стоя возле крыльца Бабетты. Люди во сне двигались и разговаривали, заключенные на необитаемом острове моей проклятой души. Не помню, что именно мне снилось в тот день, – потому, наверное, что следующий вечер слишком хорошо врезался в память. Я вижу, вам тоже интересно узнать, что произошло тогда между Лестатом и мной.

Я говорил, что накануне Лестат поразил меня своей отрешенностью и покоем. Но на следующий вечер все стало как прежде. Я встал из гроба и в приоткрытую дверь гостиной увидел его в компании двух женщин. Немногочисленные свечи, расставленные по низким столикам и резному буфету, едва рассеивали полумрак. Лестат на кушетке целовался с одной из женщин, пьяной и очень красивой. Она была похожа на куклу. Аккуратно причесанные волосы спадали на обнаженные плечи и полуоткрытую грудь. Другая потягивала вино, расположившись за столом с остатками ужина. Значит, они втроем уже успели поесть. Лестат, конечно, притворялся... Не поверите, как легко вампиру обвести вокруг пальца обычных людей, сидящих с ним за одним столом, делая вид, будто он ест и пьет не меньше других. Я не мог себе представить, что Лестат задумал, кроме того, разумеется, что этих двух девушек он наметил нам в жертвы. Та, с которой он сидел, уже начала подшучивать над ним, приставала с расспросами: почему его поцелуи так холодны, почему у него нет не то что влечения, но даже и всякого интереса к ней. Ее подруга успела соскучиться, и мысль о том, что мне придется составить ей компанию, заставила меня отказаться от первоначального намерения войти в комнату. Она наблюдала за вяло обнимающейся парочкой черными, слегка раскосыми глазами и, казалось, получала удовольствие от происходящего. Когда же Лестат встал, подошел к ней и положил руки на ее неприкрытые плечи, она просияла. Наклонившись, чтобы поцеловать ее, он вдруг заметил меня за дверью. Секунду он смотрел на меня, но тут же отвернулся и продолжил беседу с дамами как ни в чем не бывало. Потом подошел к столу и задул свечу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тем временем (фр.).

Купить: <https://tellnovel.com/enn-rays/intervyu-s-vampirom-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)